

Вагим Гемидгов
2028,
или
одиссея черной дыры

Вадим Демидов

2028, или Одиссея Чёрной Дыры

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Демидов В. И.

2028, или Одиссея Чёрной Дыры / В. И. Демидов —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Роман «2028, или Одиссея Чёрной Дыры» ярко подтверждает, что антиутопия вновь становится востребованным жанром. Но сегодня этот жанр, увы, вполне годится в качестве «хроники текущих событий». Причём хроники прогностической, опережающей. Самой сильной особенностью романа является бег наперегонки с реальностью. Когда читателя посещает ощущение, что всё описываемое не просто может сбыться, а сбывается в ходе чтения. При этом, благодаря бесстрастно-отстранённой интонации повествователя, текст не развлекает и не запугивает; он взыскует ответа – а готов ли ты персонально жить внутри грядущих событий? И способен ли изменить их ход? Содержит нецензурную брань.

1

– Девушка, какую часть фразы «я не хочу с вами разговаривать» вы не уяснили? – впервые за два дня осады Маша почувствовала, что лед между ними треснул. В голосе Свекольниковой появилась ироническая нотка.

– Петр Михайлович... Я восемьсот километров проехала. Под Вяткой меня чуть не изнасиловала пара демобилизованных. И деньги уже на исходе.

Свекольников громко выдохнул и направился в сторону пятиэтажки. Маша уже выучила его траекторию: дом – магазин, магазин – аптека, аптека – дом. Вне этого треугольника он замечен не был. В поселке было только три улицы, на первой располагался магазин, на второй – аптека, на третьей – дом Свекольниковой. Два катета и гипотенуза. Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, вспомнилось Маше без особой пользы. Она догнала его и зашагала рядом.

– Ну кто мне еще об отце расскажет? Я была у Кривулина, у Сурмина. И все перенаправляли к вам. Ведь вы с ним дружили...

Свекольников притормозил.

Не глядя на Машу, усмехнулся:

– У Кривули она была... И у Бородавки... Нашла кого расспрашивать. Это ж шестерки Волчка. У них в мозгу дыры с мой кулак.

– Петр Михайлович... Я даже не знаю, жив ли отец.

Тот замотал головой. Прибавил шаг.

– Чего не знаю, того не знаю. Хотя небеса ему, похоже, намерили семь жизней. На моих глазах он одну потерял. Другой бы как миленький скопытился, а Витя только задумался на минутку, не пора ли менять платформу, отряхнулся, да и назад, в солнечный мир, вернулся. Не пора, значит.

Прошли метров десять молча.

– Ненавижу вспоминать Черную Дыру. Что ни день, как камень.

– А у вас какая была статья?

– Та же самая, что у отца вашего. Очернительство и оскорбление чувств... У многих тогда вырос вот здесь, около щитовидки, – Свекольников показал где, – новый орган, что слишком остро реагировал на оскорбление...

Он сплюнул. На землю легла густая белая субстанция, похожая на птичий помет.

– ...Оскорбление разных чувств – религиозных, патриотических, верноподданнических. Люди жадно всматривались в пристальные глаза телевизора, которые им указывали, на что оскорбляться. И тогда этот орган в зобу раздувался, как у пеликанов. Если репрессии применяются в интересах общества, это нормально – так тогда говорили. В первую волну посадок мы с Витей и попали.

– С отцом... – Маша обрадовалась, что Свекольников разговорился.

– В судах стали разбирать принципиально непроверяемую область – человеческие чувства. Вещество субъективное. Видимо, в какой-то палате весов и мер должен был находиться эталон нормы того человеческого рецептора, что отвечает за оскорбление. Вот только толщина кожи у всех разная. Один оскорблялся, если при нем кто-то Крым украинским называл, другого оскорбляла фотография Мика Джаггера на чьей-то футболке. Нелепейшие статьи, в общем.

– Кем вы тогда работали?

– Старшим редактором портала «ВЛоб». Даже не портал – так, порталчик. Философско-аналитический. У нас, кстати, и с посещениями было не ахти. Тыщонка в день, не более. И рекламы собирали с гулькин хлястик. Но кто должен был, нас заметил.

– Это уж после убийства Немцова?

Свекольников посмотрел на Машу как на дуру. Шумно втянул носом воздух.

– Я вам рассказываю про время Черной Дыры. С убийства Немцова тогда уже года три минуло. Или даже больше.

Он вновь сплюнул белую слюну.

– Хотя в чем-то вы правы, – сказал он примирительно. – Убийство Немцова послужило катализатором перемен к худшему. Как говорится, расчесали.

– Я знаю лишь, что отца за его сочинения посадили.

– Так его роман «Щит уповающим» я еще до суда читал и даже небольшую рецензюшку у себя успел тиснуть. В целом хвалебную. Определяя жанр романа, все время срывался с одного на другое: роман-гротеск, роман-фэнтези, фарс, предсказание... Потом я понял, это был Витин отчаянный крик души. Масштаб стал виден гораздо позже. Гораздо...

Они подошли к крыльцу. Свекольников зарылся в карманах, перегибаясь, как тонконогая птица. Вытащил грязную скомканную тысячу, на которую летом 2028 года, что стояло на дворе, и пирожка с повидлом нельзя было купить, еще какое-то колесико, какую-то мятую квитанцию – и только тогда достал гибкий смарт-ключ.

Не успел Свекольников поднести ключ к двери, как замигал чип в его ладони. Петр Михайлович полоснул ногтем по линии жизни – ладонь окрасилась ярко-голубым и чип заговорил женским голосом: «Хотите денег? У нас они есть всегда! Займы, кредиты, инвестиции...» Свекольников, легко хлопнув по ладони, отрубил связь.

– Ну дела... До Черной Дыры не знали, как от спама избавиться. А он и сегодня никуда не делся. Вот и мы, люди, для мироздания спам. Судьба нас гнобит, закрывает входы и выходы – а мы сквозь щели просачиваемся. Просто спам.

На пороге он остановился.

– Если б вы знали, как не охота выгребать все это из памяти...

Маша нарисовала на лице заискивающую мину.

– Ну, пожалуйста-пожалуйста... Я проделала такой длинный...

– Даже не представляете, – Свекольников перебил. – У меня в голове несколько нобелевских тем лежит, но я их не трогаю. Боюсь, начну писать – с инфарктом слягу.

Он резким движением распахнул дверь.

– Ладно, проходите.

Маша повесила куртку на крючок.

– Что это у вас? – схватил Петр руку Маши, там чернели две буквы «ВЛ». – И вас успели оклеймить?

Маша коснулась пальцами букв.

– У вас разве такого нет? Нас всех классом водили...

Когда отца посадили, Маше исполнилось шестнадцать. За два года до этого он съехал из их двухкомнатной в Щербинках. Маша не вполне понимала причины разлада в семье. У отца любовниц не наблюдалось. Мама тоже не искала связей вне дома. Однако они отдалились друг от друга, как потом скажет отец: раскидало по углам словно бильярдные шары. Им, возможно, и не следовало жениться и жить вместе, а нужно было после первого же секса разъехаться каждому по своим рельсам – в какой бы лабиринт те ни вели. Чем дольше они жили в щербинковской двушке, чем лучше узнавали закоулки душ друг друга, тем яснее видели, какую оба совершили ошибку. Различия между ними не стачивались, а разрастались. И то, что когда-то казалось заусенцем, превратилось в сучок.

Они стали лишь случайными попутчиками семейного путешествия. Но признаваться в том себе не спешили – и по привычке во всех разладах обвиняли хмурое божество безденежья, его и порицали денно и ночью.

Когда родители Маши познакомились, имя Виктора Дорофеева в городе гремело. Ну как же – вокалист группы «Фолкнер и его хемингуэи»! Его песни ставили на «Нашем радио»,

а в «Чартовой дюжине» патетический хит «Я хотя бы попытался» даже поднялся до пятого места. Но хотя рецензенты музыкальных изданий и называли альбомы «Фолкнера» «вневременными шедеврами» и «нетленками с хорошо забытыми человеческими интонациями», отводили группе место в узкой рок-андеграундной нише. Это был удел всех, кто, невзирая на давление нового государственного курса, алкал старых хиппистских символов веры: любви, свободы и рок-н-ролла.

В третий срок правления Всевышнего Лица песни Виктора на радиостанциях ставили всё реже, там пришла очередь маршей и патриотической патетики. И с концертами стало сложнее. «Хемингуэи» видели, что дни коллектива сочтены и потихоньку подыскивали халтурки на стороне, а найдя, хлопали дверью. Дорофееву приходилось латать заплатки в составе, на что уходило много нервов и времени.

Между тем тот прессинг, который свободолюбивые люди поначалу воспринимали как увесистую государственную длань на своих плечах, постепенно превращался в ношу, не рассчитанную на человека. Дышать еще разрешали, но не полной грудью. А Виктор Дорофеев в клубах продолжал петь о своих символах веры, делая вид, что свобода все еще является частью ландшафта. В день, когда на очередной концерт «Фолкнера» пришло всего четырнадцать человек, Виктор понял, что с музыкой надо завязывать. Арт-директор клуба, не глядя в глаза, сунул ему несколько бумажек. На каждого участника пришлось по полторы тысячи. Дорофеев раздал музыкантам эти невеликие деньги, улыбнулся и произнес: «Ребята, по моему, это все». Те не улыбнулись в ответ. Давно уже шушукались: мол, Витек сбрендил.

Дорофеев стал подрабатывать в периодике. В глянце писал о сексе, в бумажных еженедельниках – о музыке, о свободе он писал в стол. Раз в месяц выступал сольно с гитарой. Музыкальный кризис перерос в кризис семейный. И все это на фоне съезжающей вниз государственной экономики.

Перебрался в съемную комнату. «Своим девушкам» в конце месяца подбрасывал тысяч восемь-десять. Иногда пять. Иногда вообще сколько было. Маша вступила в переходный возраст, и отец перестал быть средством первой необходимости. Весь досуг сжирали контакт и инстаграм. Приходилось ежечасно выкладывать все новые луки и демотиваторы, сочинять неотразимые комменты и отчаянно звездить.

Тип с ником Озверинец прознал, что Маша – дочь местной рок-легенды, и заваливал ее сообщениями, чаще обидными. Впрочем, отцовскую музыку она сама считала доисторическим барахлом. У Маши с Озверинцем было 26 общих френдов, поэтому вычислить его не составило труда. Он учился в той же школе № 32, но был на год старше. Она в восьмом, он в девятом. Звали его Радий Зубров.

Маша никогда не интересовалась толкинистами и другими ролевиками, но близкая подруга уговорила съездить за город на фестиваль «Мраколесье»: дескать, полно пацанов, и все неглупые. Электричку наводнили молодые люди с мечами и щитами, в старинных одеждах. Маша с подругой заняли скамью напротив крепыша в кожаных доспехах. С равной вероятностью он мог быть обедневшим герцогом и начальником королевской стражи. Перед самым отходом электрички крепыш заметил среди вбежавших в вагон своего знакомого и окликнул:

– Радя, идь сюда.

Больно врезав сумкой по Машиной коленке, в закуток влетел парень в средневековой одежде. На груди у него болталось небольшое круглое зеркало, а к правому плечу была приторочена пучеглазая пластмассовая сова. «Тиль Уленшпигель», – догадалась Маша. Это и был Радий «Озверинец» Зубров. Не прошло и трех минут, как они познакомились. Не успели доехать до нужной станции, а она уже потеряла голову...

– Поэтому, если я с инфарктом слягу, на вашей совести будет... Не боитесь?
Свекольников усадил Машу за кухонный стол, засуетился со стеклянным чайником.
Маша не ответила.

– Не боитесь, значит, – Петр Михайлович присел напротив.

Когда Свекольников сбросил куртку, Маша увидела, что не такой уж он и старый.
«Сколько ему может быть? – спрашивала она. – Шестьдесят? Или даже меньше?»

Отцу на следующей неделе исполнилось бы пятьдесят шесть.

Свекольников сказал:

– А знаете, мне Витя в первый момент не понравился.

Маша не понимала, как реагировать.

После паузы.

– Вы, Маша, когда его видели в последний раз?

– До суда. На суд я не пошла. Мне не нравилось, что отец в политику вляпался, мне тогда казалось – не надо с властями бодаться. Тех, кто бодались, я считала убогими, – заметив серьезный взгляд Свекольникова, покрутила себе у виска. – Да, вот такая я была... Нет, я не считала отца врагом народа... Короче, не понимала я тогда ничего, вот. Да и в день суда назначили контрольную, нельзя было пропускать. Классная наша, Инесса Пална, нас наставляла, что либералы развалили в девятьсот семнадцатом Российскую империю, Сталин ее собрал, а они теперь ее вновь мечтают развалить.

– Понятно.

– Я отца любила. Ну, он такой был... прикольный, что ли. С гитарой. Друзья у него – ничего так себе. Хотя и казались дремучим старичьем. Небритые всегда. Глаза узкие от травы. Но что нравилось – при мне матом не ругались. У нас ведь в школе пацаны через слово блякали.

– Через мат хорошо нервные каналы прочищать. Выругался – и вроде как легче жить. В колонии и на войне без мата нельзя, он там как лекарство.

– Верю.

– Так вот... – Свекольников прокашлялся. – В первые дни мне Виктор не понравился. Я даже думал: надо же, какой задрот, не протянет тут долго. Волчок на таких быстро натягивал намордники.

– Волчок – это начальник колонии?

– Волчок был страшнее начальника. Урка, но с сектантским закосом. Насмотрелся, гад, «Игр престолов» и косил под тамошнего пастыря заблудших душ. Зверюга в шкуре праведника. Наихудший тип человеческий.

– А у вас та же статья, что и у отца...

– По 282-й прим. мы шли. Оскорбление патриотических чувств приравнивали к экстремистской деятельности. Тогда столько этих блящих граждан развелось... патриотов-кибердружинников, мать их, так и сыпали доносами. Виктор попал в колонию-поселение за роман да за рассказы про Всевышнее Лицо, а я – за вполне невинную аналитику на своем портале. Обоим светило по пятёрке, но вышло по три. Хотя если учесть, что оба мы были ранее несудимые, то дали по максимуму.

Помолчали.

– У нас, в Швеции, писали, что в России сажали даже за перепосты в соцсетях.

– Одна судья постановила уничтожить компьютерную мышку, которой обвиняемая лайкнула проукраинскую статью. Позже – не может быть, чтобы вы об этом не слышали, – по решению суда стали отрубать указательные пальцы, которыми преступники лайкали экстремистские материалы. Одному правозащитнику отрубили указательные на обеих руках – он левой был, но иногда переключал мышку под правую руку. Может, помните, символ сопротивления появился – поднятые вверх четыре пальца!

– Сейчас эту статью, кажется, аннулировали.

– Еще нет, но вроде вот-вот. Я на реабилитацию бумагу подал. Жду оттепельный вердикт: за отсутствием состава преступления.

Свекольников встал, разлил чай по чашкам.

У Маши завибрировал чип в ладони. Она провела указательным по линии жизни, и экран заморгал голубым цветом. Приложила ладонь к уху.

– Мам, халуо! Да у меня все хорошо! Я в гостях у Петра Михайловича, чай пьем. Да. Да. Да, выдаться свободная минутка, расскажу. Да, перезвоню...

Маша отключила связь. Показала кивком на ладонь:

– Мама беспокоится. Перебил вас звонок...

– Когда я ехал на поселение, – продолжил Свекольников, – рад был уже тому, что не красная зона, а значит, не будет забора и вышек с охранниками. Но, приехав, понял, что забор и не нужен. Бежать некуда. Вятские земли – кругом леса, зоны и военные части. Работать предстояло на лесоповале. Что заработал, на то и кормишься. А я после универа ничего тяжелее мышки и шариковой ручки в руках не держал. Пришлось орудовать бензопилой по двенадцать часов.

– Лесоповал?

– Классический. Была у нас с Витей на двоих древняя китайская бензопила. Какое-то название у нее смешное было – «хрустка» или «хуска». Когда Витя ее брал в руки, было похоже, будто он с гитарой. Визжала она, собака, словно на гитаре перегруз включили. Лома-лась, зараза, что ни день. А виноватыми оказывались мы. Сами починить не умели, а из-за того что выработки нет, нас в ШИЗО бросили. Мы с Витей еще зеленые были, все на условно-досрочное молились, а после изолятора хрен нам, а не УДО. Хотя нас и из ШИЗО на работу выводили. А Волчок... Он ставил брагу на ягодах. И каждый из сидельцев, кроме выработки леса, должен был сдавать ему ежедневно кузов ягод. Как уж эти ягоды назывались... Как-то на северном наречии, не помню уже. Кораллово-красные такие. Волчьи, словом.

2

– Питер, обдираем вот эту полянку, и домой, – крикнул Виктор.

Кусты были усыпаны спелой ягодой, но добывать ее приходилось с боем. Иголки впи-вались в пальцы, болезненно жала. Друзья, обирая кусты, то и дело матерились.

– Вить, глянь, уже полный кузов... Пошли, а?

Дорофеев бросил, не оборачиваясь:

– Пит, я тоже голодный и хочу домой, но давай просто доберем полянку. Еще горсти три осталось.

– Да полный кузов уже.

– Хорошо, посиди, я один доберу. У меня, наверно, пальцы меньше исколоты.

Виктор собирал ягоды с изяществом, словно перебирал струны какой-то неведомой арфы. Когда колючка в очередной раз жалила его, он подносил палец ко рту, собрав на лбу морщины, слюнявил его – и вновь принимался перебирать невидимые струны. Но матерился не меньше Петра.

Домой возвращались, когда солнце висело, нашинкованное стволами деревьев на множество стружек. Один раз Виктору показалось, что сквозь сосны шмыгнуло что-то крупное, может быть, кабан. Встал, приглушил дыхание. Остановил Петра. Наглотавшись нервной тишины, оба побрели дальше.

В начале восьмого вошли в барак. В нос шибанула мужская вонь. Но оба знали, что и четверти часа не пройдет, как принюхаешься. Подбежал Кривуля, шестерка Волчка. Забубнил с малоросским акцентом. Дорофеев сунул ему кузов. Тот, схватив ягоды, побежал в дальний конец коридора, где располагалась ставка Волчка.

Успели переодеться, помыть руки и наскоро отужинать. Еда была закуплена в деревне еще третьего дня – яйца, колбаса, кетчуп. Хлеб забыли положить в холодильник – весь заплесневел. Виктор срезал ножом зелень. Мякиш пах кислятиной, но на вид был еще ничего. Голод взял свое.

В восемь часов начиналась поверка отряда. Пухлый отрядник, нехотя проверив по карточкам фамилии, отправился докладывать начальнику колонии. Нардец проводил толстопузого кума ленивыми глазами и медленно потек в ставку Волчка на последнюю переключку перед отбоем. Первыми шествовали шестерки пахана: Кривуля, Бородавка, Южный и Драп. Бородавка нервно оглядывался и лыбился зубами – вылитый Табаки из мультика про Маугли. За шестерками брели тринадцать человек, Виктор с Петром были среди них.

Волчок в длинном белом рубище на голое алебастровое тело восседал на троне, смастеренном из обломков самых разных мебели: кроватей, кресел, столешниц. Спинка трона уходила под потолок. Позади Волчка висела икона с ликом Создателя, писанная художником отряда Глебом Кашиным. До посадки тот работал охранником на фабрике хохломской росписи и чему-то успел там научиться. Голову Господа обрамляли буйные орнаменты из колосьев и листочков земляники.

Волчок смотрел на выстроившийся перед ним дугой человеческий материал, как на первое, второе, десерт и компот. Все эти людишки, обладавшие голосом, слухом и зрением, до сих пор не были съедены им лишь потому, что он еще не наигрался с ними. Так и котяра, поймавший мышь, забавляется с ней, слюнявя и покусывая в сочных местах.

На редковолосой груди Волчка раскачивался привязанный к веревочке просоленный и высушенный палец снайпера-наемника, с которым случился у него поединок в Афгане. Во время знаменитой Кунарской операции Олег Серафимович Волков, замкомвзвода 149-го гвардейского мотострелкового полка, был ранен в голень. Однако, несмотря на ранение, Волчок в одиночку выследил снайпера и забросал его гранатами. Высушенный палец у Волчка не отобрали даже в строгой зоне, а здесь уж тем более никто не покушался на столь экзотический оберег.

В ногах у Волчка сидел Шершень, шут. Росточка в нем было всего три локтя. Шел ему сорок первый годок, но лицо было детское, конопатое. Голову завершала скоморошья шапка из цветных клиньев. К ней были пришиты три колокольчика. Когда отряд выстроился по дуге, Шершень встал и косолапо прошелся полукругом, корча устрашающие рожи. Колокольчики мелко зазвунькали.

Волчок спокойно сказал:

– Кто сегодня проштрафился, шаг вперед!

Из дуги вышел один Вася Трофимов, бывший хакер из знаменитой группы Anonymous. Попался он после того, как группа взломала твиттер премьера и с его аккаунта попросила прощения у пассажиров сбитого боинга Малазийских авиалиний. Васю сдала девушка, которую он любил. Во время судебной волокиты он слегка тронулся умом, но невменяемым признан не был.

– Йоба, опять один Трофим, – констатировал Волчок.

У Васи был пунтик, он постоянно чувствовал себя виноватым, и всякий раз, когда Волчок спрашивал, кто проштрафился, делал шаг из строя. Шершень обежал людскую дугу и, высоко задрав ногу, выдал Трофимову смачный пинок. Вася глухо икнул.

– Трофим, встать в строй! – скомандовал Волчок.

Вася повиновался.

– Кто сегодня проштрафился, пусть сделает шаг вперед! – в голосе Волчка появились высокие нотки, которые ничего хорошего не предвещали. В отряде ходили слухи, что Волчок был самым жестоким «дедом» в своем полку. Издевался над салагами, чморил младших

командиров, что слишком любезничали с первогодками, и, говорили, даже политрук части его побаивался. На Волчка трижды покушались из мести, но всякий раз он выходил из заварухи живым.

– Шершень, – позвал Волчок. – А скажи-ка, милый мой дружок, кто у нас сегодня неполный кузовок принес?

Шут побежал в занавешенный тряпками закуток, где стояли бадейки с ягодной брагой. По православным праздникам Волчок угощал брагой весь отряд. Кому-то доставалась чарка, кому-то наперсток. Волчкова брага считалась в отряде подобием валюты. С ней совершались такие слияния и поглощения, что и олигархи бы на воле обзавидовались.

Шершень достал один кузов с ягодами и поставил его перед Волчком. Это был кузов Виктора Дорофеева и Петра Свекольниковца.

– Чей? – спросил Волчок.

Скрываться не имело смысла. Виктор и Петр вышли из строя.

– Наш был полон... – сделал напрасную попытку Петр.

– Ну что, господа политические? Решили, йоба, старика Волчка жидко наколоть?

Виктор помнил, что кузов они наполнили с горкой, а сейчас в нем недоставало три-четыре горсти. Могли сожрать шестерки Волчка, но на них сваливать было бесполезно. Кто-то порой пробовал, но наказание от этого лишь усугублялось.

Виктор сказал:

– Оплошали. Прости нас, Волчок. Завтра принесем с избытком.

Добавил:

– Два кузова принесем.

Волчок встал и вознес руки к потолку.

– Благодарни суще недостойнии раби твои, Господи, о твоих великих благодеяниях на нас славящее тя хвалим, благословим, благодарим и величаем твое благоутробие...

Произнеся все это, он пустил газы. Отгромыхали три неумолчные очереди. К Волчку подбежал Шершень и стал шумно вдыхать вонь, словно дегустируя ее. Затем он театрально прикрыл глаза, поднял указательный и вымолвил:

– Я чувствую аромат парного овечьего молока, тминного хлеба с оттенком чеснока, а также яркие сливочные нотки.

– А еще? – спросил Волчок. И пустил еще одну громкую очередь.

– Ага... Бальзамические и пряные нюансы. Аромат мяса на гриле. И в конце... – шут закашлялся, – ...в конце дымная нотка.

– Что ты видишь?

Вопрос означал: что делать со штрафниками? Шершень был мастер на выдумки. Он продолжал втягивать носом вонь, которая, к общему удовольствию, начинала постепенно выветриваться. Отряд стоял краснорожий, все старались не дышать – словно под водой.

Волчок поторопил:

– Давай, йоба, кроши свой маргарин.

Шершень с широкой улыбкой присел на пол, притулившись к ногам Волчка, и произнес нараспев:

– Вязанка дров.

У Виктора потемнело в глазах. Он прекрасно знал, что это такое.

Петр заскулил, встав на колени:

– Волчок, завтра мы с Витей три кузова принесем. Волчок...

Но скорый на расправу отряд уже уложил обоих на пол. Мужики выгнули руки штрафников так, чтобы кончики пальцев касались лодыжек – и такой скособоченный биоматериал стянули накрепко веревками. Пока Дорофеева связывали, он достал кого-то ногой – хоть какая-то радость. Тот, конечно, ответил с избытком. Виктор досадливо блякнул.

Насладившись зрелищем, Волчок крикнул и достал из-за спины небольшую коробку. Вытряхнул оттуда черные мобильники.

– Разбирай, братва!

И народец, толкаясь и галдя, принялся разбирать телефоны. Каждому хотелось побыстрее связаться с семьей. Рассказать, что еще один день прожит. Что живы. И что есть какая-никакая надежда.

Петр, привязанный к койке, тихо постанывал. Стоило его стонам превысить какой-то звуковой порог, как возник Кривуля и вмазал ему ногой в бок. Петр заскрипел зубами. Кривуля вмазал и с другой ноги.

Экзекуцию Виктор наблюдал затылком. Обездвиженный, как и Петр, он в таком положении мог лишь немного вращать головой. От нехватки свежей крови телесные ткани так затекли, что любое движение причиняло страдание.

Когда объявили отбой и отряд нестройно захрапел, Виктор натужил мышцы обеих рук, словно желая разорвать веревки, и почувствовал, что правая рука начала медленно подниматься, не встречая никаких препятствий. Фантомная рука двигалась во всех направлениях, прорезая даже спинку кровати. Виктор напрягся, пытаясь заставить пальцы фантомной конечности распутать узел или хотя бы ослабить путы. Но пальцы легко проходили сквозь веревки. Наблюдая за путешествием мягкой бескостной руки, Дорофеев на некоторое время забылся.

Очнулся от собственных стонов. Притушил звук, помня о том, что Кривуля сделал с Петром. Стал прислушиваться к новым сенсорным ощущениям. Его будто с ног до головы обклеили жгучими горчичниками, кожа зудела, по позвоночному столбу бегали наперегонки быстрые колючие ежики. Виктора стало бить в судорогах. Зубы стучали.

Виктор вспомнил о фантомной руке, но та пропала. Он скосил глаза вправо, потом влево – ее нигде не было видно. И тут кто-то невидимый стал сдирать скотч с его кожи. Вместе с кожными лоскутами мучитель захватывал и куски мяса. Виктор почувствовал на языке парной мясной вкус. Завыл, обкусывая губы. В подкорке носилась мысль, что он никогда больше не сможет играть на гитаре, но в таких обстоятельствах уж не до музыки – быть бы живу.

Следом за первым мучителем пришел другой, тоже невидимка, – и многочисленными щупальцами присосался к оголенным участкам. Чувствуя, что он весь опутан десятками склизких щупалец, по которым струится его жизненный сок, Дорофеев вновь отключился. Привиделась ему рука, неестественно длинная, многосуставная, она несколько раз обернулась вокруг его тела, накрепко спеленав. Виктор сделал попытку дотянуться до руки зубами. Но, как ни напрягал шею, максимум того, что ему удалось, – коснуться ее волосков вытянутой лодочкой верхней губой. От бессилия на него напала такая злость, что он стал оплевывать собственную руку. Он ворочал во рту сухим языком, набирал с десен немного слюны и выхаркивал. Плевки были жалкими, и это его еще больше злило. Наконец он проснулся, привлеченный чьим-то сбивчивым бормотанием. Прислушавшись, Виктор стал разбирать слова: «...Правой не загребай, левой не отставай, глаза от ветвей защищай... ночь пережди, снова иди, на солнце гляди... к озеру придешь, в воду войдешь, меня позовешь... рыбу лови, как в фонтане Треви, дальше живи, плавниками гребь...»

Когда утром обоих развязали, они не сумели самостоятельно распрямить позвоночник – пришлось тащить в больничку. Виктора волокли скорченным, и на каждом повороте коридора он пытался рукой дотянуться до стены, но до стены дотягивалась только фантомная рука. Она вновь появилась и никак не хотела пропадать. Виктор чувствовал, что вот-вот потеряет сознание, но обошлось.

К вечеру политические кое-как оклемались. В больничке им выдали по две таблетки аспирина. Измерили давление. И на этом все. На последнюю поверку в отряд оба приковыляли на своих двоих. По дороге Петр прошептал:

– Надеюсь, все худшее позади.

– Не-а, Питер, – откликнулся Виктор. – Ты разве не понял? Худшее только начинается. У Петра хватило сил повернуться к товарищу удивленным лицом.

– Эта гадина с нас не слезет, пока не раздавит. И отряд будет ему помогать. Потому что только так здесь можно обезопасить себя. Пребывать в стане большинства – это ж для человека такая манкая штука.

– Но ведь это не из-за ягод...

– Да с ягодами было все окей. Не в них дело.

Когда они вошли в помещение, отряд уже стоял полукругом, внимая паточным речам Волчка.

– А вот и наши болезные...

Виктор с Петром нашли свое место в человеческой дуге. Стояли и втыкали взгляды в деревянный пол.

Волчок привстал, вознес руки к потолку. Прочистил кхеком горло.

– Спаси, Господи, и помилуй рабов твоих словесами божественного Евангелия, и да вселится в них благодать твоя, опаляющая, освящающая всякого человека во имя Отца и Сына и Святого Духа.

– Аминь, – промычал юродивый Шершень, сидящий у Волчка в ногах.

– Ну что, политические? Что, послушники вашингтонского обкома? – Волчок уселся на свой трон. – Пошли вам ночные страдания во благо? Или, наоборот, черные мысли о мести загромоздили ваши интеллигентские мозги?

Виктор не поднял глаз от пола. Петр тоже. Волчок закинул ногу на ногу, отчего его белое одеяние съехало набок. Отряд увидел, что белья урка не носит.

– Что молчите, йоба... – он спросил. – Я вчера не мог заснуть, все думал о недостающих ягодах в вашем кузове. Так все же, полон был кузов или не полон... Вы, мои политические, настаивали, что было до краев. Даже с горкой. В таком случае куда делись те четыре недостающие горсти? Отряд, какие есть мысли?

Дорофеев уже понял, куда он клонит. Буквально каждое мгновение следовало ожидать конца света. По позвоночнику вновь пробежали колючие ежи. Плечо свела судорога, Виктор вздрогнул, чем напугал Петра, который стоял к нему впритирку.

Вася Трофимов сделал шаг вперед. Волчок устало поглядел на него. Вдохнул.

– Трофим, тебе чего?

– Я видел, кто ягоды из их кузова съел.

Волчок осенил Трофима крестным знаменем.

– Молви, отрок!

– Южный съел.

Шестерка Волчка Южный, дюжий пацан из Ростова, стоявший вразвалку за левым плечом своего патрона, в три прыжка добрался до Васи Трофимова и резким толчком в грудь уложил того на пол. И уже был готов прыгнуть на Васиного тельце согнутыми коленями – да Волчок его остановил.

– Южный, застопись!

Тот замер.

– Ну-ка скажи мне, голубчик, правду ли Вася нам молвит?

Южный не понял, что это вопрос к нему. Волчок повторил вопрос. Тогда до Южного дошло.

– Не я это, Волчок, гадом зашибусь. Во рту даже не держал, гадом заши...

– Поднимите Трофима, – перебив, командовал Волчок.

Тот сам поднялся. По лицу его было видно, что он не в себе, глаза стрекочут, руки ерзают по подмышкам.

– Говори, Трофим!

– Южный съел. Отнял кузов у Бородавки и ладонью черпанул в рот несколько раз.

Виктор помнил, что передал свой кузов Бородавке.

Пастырь привстал. Следом Шершень вскочил, поняв, что сейчас его выход. Замер, поглощая Волчка глазами.

Тот пропел нехорошим голосом:

– Владыко, к тебе усердно благодарение по силе приносим и тебе вопием: слава тебе, Боже Всещедрый.

На последних словах он громко пустил газы. Две тугие несмолкаемые очереди. И еще одна пошла вдогон. Шершень принялся смачно вдыхать вонь, подгоняя воздух обеими руками к носу. Нанюхавшись вдоволь, он по-актерски выдержал паузу, поднял пальчик-зако-рючку и произнес манерно:

– Я чувствую аромат свежего печеночного паштета, ржаной подгоревшей корки, а также бьющие по шарам нотки колхозного поля с гуляющими по нему лошадками.

– Еще не все, – сказал Волчок. И пустил еще одну пулеметную трель благоутробия.

– Вот! – Шершень подпрыгнул на месте. – Ньюансы азербайджанского коньяка, выдер-жанного в глиняном кувшине. Аромат свиной поджарки. И в послевкусии...

Шут с шумом вдохнул еще одну порцию тухлого амбре.

– ...в послевкусии потная подмышка кавказского овчара, – Шершень ослабил всеи тринадцатью черными зубами.

Ноги у Виктора тряслись, сердце колотилось.

– Шершень, что ты видишь? – спросил Волчок.

Отряд стоял, стараясь не вдыхать смердящий воздух. Экономно цедили молекулы кис-лорода, чтобы хоть как-то поддерживать телесное питание – но не больше.

Волчок поторопил:

– Давай, шут, бомби в полный рост дробью!

Шут прошелся гоголем вдоль людской дуги, ухарски пошлепал ручонками по пузу и бедрам, отбив вполне ритмичную дробь. Сказал:

– Южный ягоду съел. Насквозь вижу змееныша.

Волчок вскинул зрачки к потолку, пошамкал губами, словно сосал кислый леденец, и повернулся к Южному.

– Слышь, йоба. Выходи на круг.

Виктор подумал, – а лихо Волчок организовал процесс. Будто бы он и не решает ничего, все вердикты выносит его шут. Сам он исполнительная власть – а не законодатель-ная. Понятно, что все это игра, но разыгранная ярко, не придерешься.

Южный встал перед человеческой дугой. Выглядел он уже не столь уверенно. Натянуто лыбился. Хоть и был глуп, но внезапно в голове новая извилина прорезалась, стал что-то понимать.

Волчок поцеловал мумифицированный палец, что болтался у него на груди, и крикнул:

– Шут, а шут... Скажи, а кто палачом у нас будет?

Шершень отозвался, не оборачиваясь:

– Разве непонятно?

Волчок кивнул.

– Мне-то все понятно с самого начала. А ты озвучь – чтоб все уразумели.

Шершень вытянул свой указательный в сторону Виктора.

– Он палач будет.

Волчок заплодировал. Следом захлопал и весь отряд. Южный бросился к двери. Его догнали в пять шагов. Уложили, захомутали. Бросили в центр круга. Волчок приблизился к Южному. Пнул вполсилы, не метясь. В солнышко попал. Южный охнул и, открыв рот, как глубоководная рыба, затрясся.

Волчок выдернул Виктора из людской дуги.

– Ты палач.

– Я не палач, – тихо вымолвил Виктор.

– Ты палач! – заскандировала людская дуга. – Ты палач! Ты палач!

Вася Трофимов тоже кричал в хоре.

Шершень подобрался за спину Виктора. Прыгнул и достал ладонью тому до макушки. Виктор отмахнулся. Было не столько больно, сколько обидно. Он понимал, что многоходовка по его душу была тщательно подготовлена Волчком. Разыграли они ее с шутком блестяще. С другой стороны, у Волчка в жизни всего одна задача – быть злодеем и гондошить! Когда Волчок перестанет всех гондошить, настанет его последний день на земле.

– Я не понимаю, что должен делать, – просто сказал тот, кого назначили палачом.

Волчок щедро улыбнулся.

– Йоба! Шершень тебе, непонимайке, подскажет. Верно, шут? И кстати, привет тебе от Головастова. От депутата. Вспомнил такого? Это кореш мой драгоценный. Вместе в афганском пекле варились, закалялись. От него тебе привет.

Виктор помнил Головастова. Государственного холуя со сладким холеным личиком. Хотел бы забыть, да как?

Волчок засмеялся.

– Ну, давай, Шершень, штопай мелкой гречкой! А то Дорофеич заждался.

Шершень куриной ладонью тронул колокольчики на шапке. Встал на цыпочки перед Виктором и сказал коротко:

– Под лежневку.

3

Маша Дорофеева слышала, что над ролью эльфийской королевы в Хоббитских Игрищах висит черная жирная шаммата. Какой бы красоткой ни была девушка, надевшая платье из белого маргиланского шелка, всегда отыщутся злопыхательницы, и найдется немало их, кто будет шептаться за эльфийскими спинами: мол, королева-то того, и волос не так белокур, и носик не так остро точен, да и несколько жирновата ляжками. И все же, когда Радий Зубров предложил Маше сыграть Галадриэль на ближайшей хишке, она тут же согласилась. Спросила лишь, кто будет Келеборном, ее возлюбленным, надеясь на то, что Радий закрепит роль за собой, но он взялся исполнять Саурана.

Игрища начались с парада, где все, от назгулов до мелкой эльфийской челяди, строили потешные луки фотоаппаратам, хлебали ароматный безалкогольный сидр и азартно целовались в острые уголки рта. А когда горнист проиграл закатную мелодию, уставшая от шумной демонстративной суеты Галадриэль отправилась со своей многочисленной свитой в странствие по дождливой темноте, и всю дорогу промокшие факелы ее оружейников больше дымили, чем светили. Ручей пришлось форсировать в платье с трехметровым шлейфом – отчего, когда Галадриэль прибыла в ставку эльфов, ее нянечкам пришлось долго выдирать из шелка колючки череды и цепкими стежками зашивать множественные дырочки. Волосы Маша сушила подле березового костра, который постоянно тух, а когда вновь разгорался, то весело стрелял петардами, чем немало пугал малорослую свиту эльфийской королевы.

С прекращением дождя духи, выскочившие из леса, закатали сумасшедшие танцы под нестройные кельтские волынки. Маша со своим мужем Келеборном – всем он был хорош,

вот только бы угрей поменьше! – построили народец Средиземья на освещенной факелами круглой поляне для игры в ручеек. И вновь шлейф Машиного платья за все цеплялся, что придавало королеве больше человеческого величия, чем сказочного.

Ручеек струился бы до рассвета, но прибыл гонец с приглашением королевы на Совет Великого Света. Отказываться было нельзя – и Галадриэль, поправив прическу, отправилась туда со всей свитой и оруженосцами. Стоящие полукругом мудрецы Совета не без труда дослушали ее приветственную песню на квэнье, языке, придуманном Толкиным, но ни разу не прервали и после недолгого совещания в знак расположения пожаловали королеве эльфийское кольцо. Маша стала хранителем великого талисмана. И слышались ей в тот миг завывания ветров степных, и в глазах вспыхнули бриллиантовые камешки.

Кольцо умело стрелять, и это немного пугало Галадриэль – она ехала на Игрища за миром, а не за войной. Хотя догадывалась, что для того, чтобы развенчать магию жестокого Саурона, ей придется воевать, и для победы достаточно было добыть не одно кольцо, а все три.

Галадриэль уединилась в Вигваме хрустальной тишины и, перебирая знамения и приметы долгого дня, выискивала самый безупречный способ объединения колец. Тем временем ее мастеровитый муж Келеборн (ох, если бы не воспаленные угри!) выковал лютый *sekir-bashka*-меч и преподнес своей королеве, преклонив колено. «Из валерийской стали», – шептались знатоки.

На рассвете эльфы услышали вой рассекающего воздух снаряда. На берег выгружалась зловещая десантура. Назгулы пришли на плоскодонных весельных ладьях, на флагмане высилась устрашающая боевая катапульта. «На первый-второй рассчитайсь!» – орал старшина с высоким ирокезом, и назгулы поспешно выстраивались на берегу в замысловатую геометрию. Маршируя, они словно нарочно выбивали сапогами седьмую симфонию Шостаковича, ту, которую обычно называли «Ленинградской». С неба назгулов прикрывала эскадрилья остроклювых стервятников. Полет их был зигзагообразен, пружинист, моторен.

Король эльфов Келеборн в первом же единоборстве с чернозубым назгулом пал смертью храбрых. Малолетний эльфийский принц Келебриан также был убит, стрела пронзила ему грудь. Эльфы отступили к лесу. Увидев смерть родных, королева было обнажила *sekir-bashka*-меч и полетела в эпицентр боя, но вовремя погасила безрассудный порыв и присоединилась к отступающему войску. С единственным кольцом она была слишком слаба.

Во время поспешного отхода к Маше приблизился ее оруженосец и предложил обменять свою жизнь на возвращение в мир угрявого Келеборна – новыми правилами Игрищ такое допускалось. Предложение паренька растрогало королеву Галадриэль до сердечной ломоты, она, замедлив ход, обняла парня – и тут ей в плечо ткнулась утомленная полетом назгульская стрела. К счастью, не вонзилась, лишь оцарапала кожу. Отступающие эльфы прибавили ходу.

Не прошло и часа, как на залитой солнцем поляне произошло воссоединение королевы эльфов с союзниками Средиземья – айнурами, хоббитами и речными великанами. По сигналу горниста королева открыла второй мировой фронт, а за ним третий и четвертый. Во все концы полетели гонцы с депешами, почтовые голуби поспешили к мудрецам Совета Великого Света. Галадриэль не без помощи верных оруженосцев (их число, увы, сократилось) облачилась в доспехи, не забыв натянуть высокие солдатские сапоги на шнуровке. Затем одним дуновением затушила три свечи триколора, сделала щедрый глоток эля из чаши-непроливайки, вынула из ножен заветный *sekir-bashka*-меч – и двинулась во главе войска бить Сауранову нечисть. Пошли смертным боем Светлые на Темных.

Множество стрел не нашли добычу, множество копий было сломано, но сотни воинов нашли на поле брани погибель свою. Бездыханные герои, нацепив на головы белые тряпицы,

потекли горевать в мертвятник. Его устроили на пригорке, чтобы удобнее наблюдать за сражением.

Когда живых осталось меньше polegших в бою, выросла над полем радуга из трех широких полос: белой, голубой и алой. Сигнал Совета Великого Света означал, что теперь все три волшебных кольца принадлежали королеве Галадриэль. И утратили назгулы былую мощь, и обессилел Саурон. Упали тяжелыми камнями стервятники с небес, превратившись в щедрые столы с угощениями.

Но вот же незадача – в быстротечной фланговой стычке угрюмый король Келеборн, которому тремя часами ранее была дарована вторая жизнь, вновь пал за смертью. Да что же ему так не везет... Но ничего, он останется жить в песнях зануд-миннезингеров.

Саурон, державший совет со Жрецами Тьмы, решил воспользоваться последним шансом – и вызвал Галадриэль на пеший поединок. Ни прозрачные небесные боги, ни мудрецы Совета Света не смогли ответить отказом черному магу. Солнце, макнув кончик носа в реку, вобрало в себя всю ее прохладу и погасло. Соперники скрестили клинки, и озарили сгустившийся сумрак искры. Одновременно по всему периметру поля сражения вспыхнули десятки керосиновых факелов.

Недолгой вышла дуэль. Галадриэль после нескольких стремительных маневров пронзила sekir-bashka-мечом шею Саурона, да только не позволила раненому упасть. Подхватила его и поцеловала искаженные болью уста, подарив новое перерождение темному воину. Как пелось в одной древней эльфийской песне, «это до первого поцелуя он был злым, а уж после добрее его и не было в Средиземье». Назгулы, бросив деревянные мечи, направились к реке стирать с лиц угольный мейкап. А эльфы, пока длился поцелуй, нараспев считали хором: одиннадцать, двенадцать, тринадцать... двадцать два... тридцать три... Когда же влюбленные отстранились друг от друга, свита королевы побежала готовить для них палатку в уединенном месте, – чтобы не мешали им протяжные песни хоббитов и танцы-хороводы нольдо. Дважды убитый угрюмый король Келеборн заплакал – это был не его день и это была не его ночь.

Радий расшнуровал свои тяжелые доспехи, затем помог эльфийской королеве стянуть с себя кожаную амуницию. В игре Маше казалось, что победила она, но в палатке все лавры достались ему.

– Понимаешь, надо выбирать: Родина или смерть.

Маша с Радием сидели на вокзале станции Рузаевка, ожидая дневного поезда, и лизали одно мороженое на двоих. В ногах валялись сумки с одеждой и доспехами.

– Но какая связь между патриотизмом, которым ты мне все мозги проел, и тем, что ты больше не хочешь участвовать в Хоббитских Игрищах? Ты вроде нормальным был, без заскоков.

– Давай еще раз... Все эти Толкины, все эти Урсулы Ле Гуин, опять же этот Джордж Мартин – они же американчиковая братия. Голимая пропаганда госдепа.

– Радя, херни не говори, а? Причем тут госдеп? Толкин вообще англичанин.

Радий отодвинул Машину руку с пломбиром.

– Одна фигня. Враг. Англичанка гадит...

Маша откусила сочащейся белизны и нараспев произнесла:

– Королева Галадриэль у тебя спрашивает: ты чего, ку-ку?

Радий порылся в карманах и достал мятую брошюру, на обложке сверху было крупно выведено: «НОФ», а ниже располагался двуглавый орел, запутавшийся в георгиевской ленточке.

– Вот... – Радий протянул брошюру Маше. – Национально-освободительный фронт. Последняя надежда Родины обрести суверенитет.

Маша покрутила у виска.

– Что ты крутишь? Я тоже покрутить могу.

– Ты вообще историю изучал? Россия тебе не Африка. У нас и так суверенитет.

– Вот, Машуля! – Радий направил на нее острый указательный. – Бредишь, как заокеанская шавка. Американчики у нас в принципе контролируют всё, они хозяева горы. Мало того, что всем рулят, так они еще и всем в голову залезли. Оккупировали с потрохами. И все эти ролевые игрища, все эти котерии – тоже американчиковские. Всё оттуда. Если уж делать новую игру – так свою, русскую. Про Сталинград, например. А почему нет? (Радий даже подпрыгнул на скамье.) Точно – про Сталинград! Чтобы армию Паулюса пленить! Чтобы на танках – а не на деревянных мечях!

Он пнул футляр, в котором лежало их оружие. В футляре звюнькнуло.

Маша откликнулась.

– Ага. Давай еще «Молодую гвардию». Давай «Как закалялась сталь». Скучища, блин.

– Совсем не скучища. Это как подать. Представь ту же «Сталь». Развернем на целине строительство железнодорожного полотна. Вчерашние эльфы, как павки корчагины, будут кайлом фигачить. Уж всяко патриотичнее, чем петь на кострах нудную кельтятину. После паузы.

– Как ты, Маш, не поймешь... Нам же из телевизора каждый день долдонят, что мы худшие в мире, ничего не умеем. Что мы на своей земле туземцы, недостойные большой цивилизации. И что, если нами американчики перестанут управлять, мы выйдем как динозавры. Сеют сомнения в умах поколения.

– Где ты такой чуши наслушался?

– Никакая не чушь, – Радий нервно закусил губу. – Депутат Головастов, главный в НОФе, много лет без устали разжевывает. Сам был министром и на себе знает, когда тебя с головы до ног стянули американчиковскими вожжами и танцуешь под заокеанскую дудку. Насмотрелся, как у нас законы пишутся.

– И как же?

– Сочиняют их американчики. Наши клерки лишь для вида их немного подправляют, за что и получают гранты от госдепа. Знаешь, как все это называется? Карательная операция американчиков на оккупированной территории!

– Чушь.

– Да ни хера не чушь, – Радий покраснелся. – Они действуют через пятую колонну, через этих... Опутали паутиной все главные русские города. Москва вообще сдалась американчикам, на блюдечке принесся им ключи от ворот. Сама смотри, улица полностью в руках либерастов, они митингуют, маршируют, сколько хотят. Монстрации всякие, тьфу.

Он сплюнул.

– Я не особо в этом разбираюсь, но вроде бы их винтят постоянно.

– Так это только для видимости. Свинтят, а наутро отпустят. И те опять за свое. Мы, нофлеры, поставим этому конец.

– Нофлеры?

– Члены НОФа.

– Ага, сделаешь Игрища по книге Островского, чтобы не было мучительно больно, и все твои американчики от испуга в джинсы наложат и ключи от Москвы назад вернут.

Маша доела мороженое, вытерла губы запястьем.

– Головастов говорит, что надо с чего-то начинать. Сперва ролевые игры по патриотической книге. Следующий этап – припугнем местных белоленточных. Вышвырнем из страны всех американчиков, англосаксов, нам они здесь не упали. Надо, чтобы Всевышнее Лицо увидел, на кого ему опираться надо.

– По твоей логике – и он ставленник госдепа.

– В точку, блин! Так и есть. Госдеп им управляет. В две тыщи восьмом, когда он на третий срок хотел пойти, к нему пожаловали его американчиковские советники и запретили выдвигаться. Он смирился, передал власть Топтыгину. А тот совсем слабак, им американчики вертели, как хотели. Потом он еще и президентство передумал Всевышнему Лицу возвращать. И кто знает, как бы все обернулось, если бы не вмешались наши ветераны-афганцы, Головастов, кстати, тоже из афганцев, – и не припугнули Топтыгина.

– Тебя послушать, наверху идет спектакль прямо по Толкину. Мордор в Кремле!

– Так и есть, это я тебе как бывший Саурон говорю, – Радий улыбнулся. – В условиях оккупации здоровые члены нации должны сплачиваться вокруг своего лидера, Всевышнего Лица, а не устраивать разборки, как пятая колонна.

– Ты такой политизированный, что противно. Когда ты был вождем назгулов, ты мне нравился больше. Верните Саурана.

– Не будет больше Саурана. Будет Павка. И будет полководец Жуков.

Радий потряс НОФовской брошюрой.

4

Из дневника

Чудное теплое утро. Принял с докладом представителя Санкт-Петербургской ячейки. Передал мне списки влиятельных семей области – источники их доходов и перечень недвижимости. Отрапортовал, что питерские нофлеры выгнали из города украинского консула. Ежедневные боевые пикеты у консульства принесли плоды. Дал драпака, американчиковская подстилка. Но взбесило, что сам нофлер был одет в американчиковские джинсы, пришлось сделать ему замечание. В оправдание он залопотал ерунду. Наказал его по-своему – за завтраком не предложил ему пирожное «картошка».

После обеда играли в городки с Мотричем и Звонаревым. Сделали шесть партий – я управился за 134 выстрела. «Бабушку в окошке» и «самолет» стабильно убирал одной битой. Заметил, что бита из боярышника почетче летает, чем буковая. Турнир выиграл Мотрич, но подозреваю, что мухлевал. Уверен, что он не на полную закрутил на бите стальной стакан, вот она и стала длиннее. В следующий раз буду проверять его биты.

Вечером в телевизоре видел Всевышнее Лицо. Какой же он смелый. Нет у него ни когтей, ни звериных клыков, но он малыми средствами – где пригибаясь, где ползком, где обходным путем – развернул всю страну и геополитического противника поставил раком. Наконец-то забрезжил путь к русской свободе. Послушал американчиковское «Эхо» (чтобы быть в курсе). Трезвонили о гаденьише из пятой колонны, задержанном на Красной площади. Отказывался покидать святое место, пока Всевышнее Лицо и Госдума не уйдут в отставку. Ага, разбежались...

Принял снотворное.

Ночью отгромыхала гроза. А утро было такое же жаркое, как вчерашнее. Проснулся со сладкой улыбкой на устах. Приснилось, что Российское государство существует в границах, очерченных по решениям Ялтинской конференции. Принял с докладом представителя ячейки Черноземного региона. Привез мне списки влиятельных бизнесменов края, источники их доходов, опись приобретенной недвижимости. Слушая его доклад, очень быстро понял, что баран. Не понимает азов. Защищает пятую колонну. Стал вразумлять, что либерасты идут против своего рода, против своей семьи, против своих отцов. Во все времена те, кто выступал против своего рода, вырезались и вычищались посредством естественного отбора. Защититься от враждебного окружения можно лишь стоя спиной к спине. И – с автоматом на плече. В этом логика выживания. И если ты ее не понимаешь, ты баран.

Представитель в речи употребил слово «камбэк». Объяснил ему, что оно американчиковское. Искали синонимы. Я нашел первым: «возвращение». Наказал его по-своему – не предложил чая. В плохом настроении поехал играть в городки. На четвертой партии сломал битую из боярышника. Психанул. Покрыл всех матюгами, за что сейчас стыдно. Мотрич вручил мне запасную битую, но с ней игралось совсем неудовлетворительно.

Вечером в телевизоре видел Всевышнее Лицо. Он ждал руку американчиковскому послу, всем видом выражая симпатию и излучая всеми припухлостями и ямочками какое-то особенное дружелюбие. Щеки его были такими светлыми – будто свежая штукатурка. Зачем же он так?! Расстроился я, глядя на это.

Утром было ясно и холодно. Отвечал на письма нофлеров. Четверть корреспондентов нормальные, остальные – дебилы. Нет понимания, что мы живем на оккупированной американчиками территории. Американчики контролируют государство полностью, они паханы русской горы. Американчиковские инфраструктуры сочиняют наши законы, а принимают их в Думе госдеповские грантодержатели. У Всевышнего Лица голова вложена в пасть американчиковского тигра – правда, он и в таком положении умудряется щекотать острым ноготком там, внутри. Мне бы хоть десятую часть его смелости. Да благословит Господь наступивший день, да дарует России победу Национально-освободительного фронта во имя торжества Всевышнего Лица!

Съездил в пункт клеймения. Спросили, делать с обезболиванием или без? Выбрал – с обезболиванием. Пришлось заплатить за укол. Теперь у меня на левой руке горят две буквы «ВЛ» – маркер лояльности лидеру. Когда я пришел, в пункте было всего три человека. А потом за мной выстроилась большая очередь – привезли целый школьный класс. Позже еще и студенты приехали. Очень правильная инициатива!

После обеда играли в городки с Мотричем и Звонаревым. Заморозка стала отходить – и рука ныла. Хорошо, что левая, нерабочая. Играл новой битой, она четкая, я ей в два подхода выбил «письмо» – и так шесть раз подряд! Похвастался своим клеймом. Спросил партнеров, последуют ли они моему примеру. Те стушевались. Мол, еще не приняли решение. Я обратил внимание, что Звонарь играл в американчиковских кроссовках адидас. Указал ему, что это вражья обувь. Он парировал, что я сам езжу на мерседесе. Задумался. До ночи мыслями возвращался к этому.

Послушал американчиковское «Эхо Москвы» (чтобы быть в курсе). Рассказывали еще об одном гаденыше из пятой колонны, задержанном на Красной площади. Отказывался покидать святое место, пока Всевышнее Лицо и Госдума не уйдут в отставку. Расстрелял бы гаденыша... Повесил в квартире большой портрет Всевышнего Лица (купил на развале).

Утром стояла холодная погода с сильнейшим ветром. Настроение – хуже некуда. Всю ночь думал про мерседес. Прав Звонарь, машина собрана фашистскими американчиковскими руками. Решил пока не менять ее. Клеймо на руке раздулось. Смазал его мирамистином.

Принял с докладом представителя южной ячейки. Смуглый активист передал мне списки богатейших семей региона, источники их доходов и опись недвижимости. Отчитался по акции «Сдохни, враг!», они с единомышленниками расписывали угрожающими надписями двери агентов пятой колонны. Представитель южной ячейки был одет в американчиковские джинсы. Как же я устал иметь дела с баранами! Приказал ему поцеловать портрет Всевышнего Лица, чтобы смыть с себя грех. Он проделал это троекратно. Попросил его закатать рукав – клейма «ВЛ» не нашел. Отправил барана на клеймение.

После обеда играли в городки с Мотричем и Звонаревым. Я так и не придумал, что делать с мерседесом, поэтому нервничал и много мазал. Ближе к концу турнира началась

путаница с порядком выставления фигур. Ушел, не доиграв. Вечером смотрел телевизор. Всевышнее Лицо призывал россиян к бдительности. В столице бесчинствует законспирированное Либеральное общество Москвы (ЛОМ). По всей стране пошла цепная реакция, возникают десятки сплоченных ячеек ломов, ставящих перед собой одну цель – смести правящие фигуры с русской доски. Всевышнее Лицо зачитал перехваченную телефонограмму ломов со сценарием смены власти. Ренегаты помышляют захватить здание в Охотном ряду и заставить депутатов утвердить главой государства фигуру, предложенную заатлантическими советниками. Россия станет 52-м штатом США. Далее – бешенная инфляция, голодная зима, бьющая все рекорды смертность.

Ветер жутко завывал в трубах. Достал дополнительное икеевское одеяло.

Под утро снилось, что икеевское одеяло меня душит. Сбросил его. Давление со вчерашнего дня сильно упало, заморосил дождь. Ничего хорошего обстоятельства не предвещали. Принял представителя западной ячейки НОФ. Получил от него списки самых богатых семей региона, источники их доходов и опись недвижимости. Но доклад слушать не стал, вместо этого дал ему денег и послал за одеялом на русском гусином пуху. Когда нофлер принес одеяло, дал еще денег и послал купить хорошие городошные биты. Купил, баран, китайские, из пластмассы. Ну ничего поручить нельзя.

После обеда играли в городки с Мотричем и Звонаревым. Китайские биты огорчили. Уже в первом подходе не смог выбить «пушку», а «бабушку в окошке», которую обычно убирал фирменным подкрученным ударом, смог убрать лишь с трех бит. Клеймо жгло руку, я был весь на нервах. А Мотрич, кажется, вновь мухлевал – стакан на бите закрутил не до упора, чтобы бита выходила длиннее. Звонарев поинтересовался насчет моего мерседеса. Хотел было запустить в него китайской битой, но сумел справиться с гневом. Нужно копить силы на битву с ломами и не растрачивать их на бытовые разборки. Под конец игры выбил «письмо» в два подхода.

Вечером давал телефонное интервью. Предложил всех, кто сотрудничает с оккупантами, то есть с американчиками, высылать из страны. Плевать, что нас останется мало, зато все русские, семья, спиной к спине. Каждый из нас – результат тысячелетнего естественного отбора, потомок выживших в неприветливых северных лесах помещиков и крепостных. Пусть тебе и не нравится тот материал, который в итоге останется в стране: может, кто-то воняет, кто-то храпит и страшен лицом, у кого-то зубы не чищены, но это твой род, это твоя родня. Привыкай. Решения общины должны закрепляться в связке единого рода, в потомках. А стоит выйти из этого круга – пропадешь, как отцепенец. Американчики будут заманивать тебя большими зарплатами, порносексом, но, эмигрировав, ты будешь стерт с лица земли. Пятую колонну там используют в качестве обслуживающего персонала, банально выжимают из нее все соки и выбрасывают. Это бараны, расходный материал. Журналист поинтересовался, по душе ли мне политические методы Всевышнего Лица. По формулировке вопроса было ясно, что Всевышнее Лицо журналисту поперек сердца. Ответил ему так: а представьте, что ваша мама проститутка. Ну, вот так случилось. Но разве она перестала быть вашей мамой, вашей кровиночкой? Пусть ремесло мамы низкое, но есть нечто более важное, чем ее занятие. Мама – это твой род, твой культурный код. Говорил хорошо, убедительно, подкреплял примерами. Ужинал с аппетитом. Но с мерседесом нужно срочно что-то решать.

Вместо двух последних уроков, литературы и физкультуры, Машин класс повели в поликлинику на клеймение. Родители трех одноклассников заранее прислали заявления об отказе от процедуры, и Екатерина Михайловна, класная, бумаги прочитала, подколола

и отправила отказников к трудовику за метлами – дескать, пусть школьный двор пока приведут в порядок.

Маша не догадалась попросить мать написать отказное письмо. И теперь двигалась в толпе одноклассников, которые бесконечно селфились и на ходу отправляли фотки в инсту. Екатерина Михайловна вышагивала во главе колонны и раздраженным дискантом заставляла держать строй.

Для клеймения в поликлинике были выделены три процедурных кабинета. Когда до Маши дошла очередь, она предстала перед мускулистым татуированным медбратом, что колдовал над огнедышащим тиглем, из которого торчало несколько металлических прутьев с деревянными ручками. На кресле около тигля сидел Сергей Калабанов, бузотер и двоечник, – медбрат смазал ему наружную сторону левой руки хлоргексидином и попросил не дергаться. Затем он вынул один из прутьев с тавро, раскаленным до красно-желтого цвета, и приложил его к участку на два поперечных пальца ниже локтевого сгиба. Рожа Калабанова вспыхнула и смялась, как бумажка, упавшая в костер. Он сдавленно захрипел. На его руке остались две буквы – «В» и «Л». Клеймо лояльности. Тоненькая медсестра, которая минутой ранее предложила Маше заполнить анкету (ФИО, адрес, телефон), подбежала к стонущему Калабанову и, обработав антисептиком ожог, прижала к нему пакет со льдом. Калабанов жмурился и шумно дышал через губы, сложенные трубочкой.

Маша было развернулась и начала отступление к двери, но была поймана Екатериной Михайловной, той уже сделали клеймо, и левая рука ниже локтя была перебинтована.

– Дорофеева, ты куда пятишься? Вон свободное кресло, иди-ка туда...

5

– Под лежневку, – хором повторил отряд.

Скелет Виктора заныл. Лежневкой в колонии называли дорогу из бревен. Когда кончали очередного неугодного Волчку активиста-стукача, его зарывали под лежневкой, а отрядному докладывали, что в побег ушел. То, что Виктора выбрали палачом, а не жертвой, мало что меняло.

Южный вновь дернулся к выходу. Его быстро превратили в вязанку дров, потный носок затолкав в рот. Виктор мечтал, чтобы с людьми обращались так, словно на каждом из них написано fragile, но в реале выходило прямо противоположное – людей давили, людей трамбовали, людей изводили на извесь. Вот еще и лежневка.

Дорофеев забрался на койку, но никак не мог забыться. В углу поскуливал связанный Южный. По соседству чмокал губами Вася Трофимов. На нижнем ярусе ворочался Петр. Тоже, видимо, не спал. Виктор вспомнил, что в детском лагере один приятель учил его засыпать, поглаживая подушечкой большого пальца мизинец на той же руке, что он и стал проделывать. Но в голове шла шквальная дискотека. Мысли танцевали ча-ча-ча, мысли танцевали твист, мысли давали нижнего брейка.

Депутат Головастов... Дорофеев всегда угорал над его параноидальными антизападными спичами, настолько они были потешны, однако вдруг в стране сместилась ось, и головастовский бред превратился в пропагандистские кружева. С самим Головастовым Виктор не был знаком, они никогда не виделись. Но Виктору дважды от него привет передавали. То нежданная встреча в подъезде с его бойцами-нофлерами, то разбитое булыжником окно – чудом тогда уговорил квартирную хозяйку не выгонять его.

На первых нофлеров мало кто обращал внимание, дураки и дураки. Дорофеев надеялся, что власть сама с ними разберется. Мало ли до них было всяких скинхедов, футбольных ультрас, комсомольской шпаны, окраинных гопников в толстовках с «Сектором газа»... Их, как правило, хватали на мелочевке и запирали на год-другой, потом кто-то уходил в армию, кто-то спивался, кто-то женился, были и такие. Тихо рассасывались, съезжали на бескрай-

нюю хтоническую юдоль. Но нофлеры почему-то рассасываться не желали, и ряды их на глазах росли. В том, что их придумала и крышевала власть, мало кто сомневался. Правда, сама власть от них немного дистанцировалась, даже испытывала некую стеснительность, однако тайно подбрасывала денюжку и ободряла. НОФ стал сборищем ряженых карьеристов – нахальных, самодовольных существ. Виктор старался отгородиться, но куда там. В какой-то момент от завываний Головастова некуда стало спрятаться, – он и на радио, он и в телевизоре (у Виктора, правда, телевизора не было), он и в фейсбуке. Превратился в сияющую поп-звезду. К нему бежали журналисты за мнением о русском роке, о философии Андрея Синявского, о фильмах Андрея Звягинцева, и всегда у него за щекой были припрятаны одни и те же ответы: что Конституция России сочинена американчиками (его словцо) и надо ее срочно менять, что Всевышнее Лицо окружен заокеанскими агентами и надо его из этого содома выручать, что именно те развалили СССР и пора зубную пасту заталкивать обратно в тюбик. Роман Дорофеева «Щит уповающих» подействовал на Головастова как пестрая тряпка на бешеного быка. Себя, что ли, узнал в персонаже, у которого плечи опричника?

Головастов... На чистой глади пруда фитопланктон появляется как чудная природная случайность, но пройдет день-другой-третий – и вот уже он задушил водоем своими цепкими щупальцами: и рыбадохнет, и купаться невозможно, и воняет. А теперь представьте, что фитопланктон обретает человеческий мозг, полный реакционных идей, – вот тогда держись, цивилизация! Задушит!

Чтобы быстрее уснуть, Дорофеев продолжал тереть свой мизинец подушечкой большого пальца. Уже намечалась мозоль – но тут до Виктора донесся шепот: «...правой не загребай, левой не отставай, глаза от ветвей защищай... ночь пережди, снова иди, на солнце гляди... к озеру придешь, в воду войдешь, меня позовешь... рыбу лови, как в фонтане Треви, дальше живи...»

Казалось, и не спал вовсе, а уже подъем. Забухтели. Включили идиотское радио. Южного, лягушонка в коробчонке, развязали. Кто-то его ночью дерьмом обмазал – обидел он в отряде многих, отомстили. Рычал, пытаюсь самостоятельно разогнуть позвоночник, да где там. Помогли разогнуть, уложили на кровать. Еды и питья принесли. Даже сигарету раскурили и сунули меж губ. По отношению к приговоренному такое принято.

Перед Виктором предстал Шершень. Промямлил, что вызывает Волчок. И Петра чтоб с собой привел. Потопали в Волчковый закуток. Урка лежал, моргая жидкими глазами. Завидев Виктора с Петром, прицелился в них из пистолета, состроенного из указательного и среднего, типа в шутку. Стрельнул: ту-дыж! Дунул в якобы раскаленное дуло.

– Эй, политические... Надеюсь, что сделаете все как надо. Сам с вами не пойду. Но учтите, у меня внимательные ноздри, все вижу, все чую. Кривуля, Драп и Бородавка проследят, чтобы сработали на совесть. Дорофеич, ты палачом, а Борщ – на подхвате. Борщом он звал Петра Свекольникова.

Впереди Кривуля с Бородавкой тащили под руки едва перебиравшего ногами Южного. Дерьмо со лба не дали смыть. За ними топтыжкой вышагивал Шершень, беспрестанно оборачиваясь на плетущихся следом Виктора и Петра, те попеременно несли развалюху-бензопилу. Замыкал группу Драп, малоразговорчивый тип с синими наколками на шее. Он нес на плечах три топора. Дошли до начала предполагаемой лежневки за час. Прогулка всем размотала нервы.

Южного привязали к дереву. Удивительно, но он не вырывался, не нюнил, даже не просился в туалет. Был совсем уже поконченный и дышал через раз. Остальные шестеро – включая Шершня – стали готовить бревна к укладке. Вятское июльское солнце подмигивало сквозь кроны. Виктор с Петром валили сосняк. Бензопила, на удивление, не подводила.

Вкусно запахло мокрыми опилками. Шестерки Волчка обрубали ветки. Бородавка, излишне суется, саданул себе по ноге, густо завыл. Все скучковались около него, глядели на рану. Пустили по легкому матерному словцу – ничего серьезного, до конца срока заживет четыре раза.

Спустя три часа пересчитали бревна. Для десятиметровой лежневки вполне достаточно. Драп дал отмашку.

– Кончать надо, – бросил он Виктору. – Палач, выбирай инструмент. Топор или бензопила.

Шершень засуетился:

– Тебе тут что, техасская резня бензопилой?

Драп не обратил на его слова внимания:

– Выбирай, я сказал.

Петр вмешался:

– Драп... Может, ты сам его того... – голос его дрожал. – Сам его... У тебя лучше получится. А мы с Витьком деньгами воздадим. Отработаем.

Драп сделал зверскую рожу. Петр вывел его из себя.

– Выбирай, я сказал. Ну!

Виктор показал взглядом на бензопилу. Петр сделал круглые глаза.

– Бери, политический. Вырежь у Южного под сердцем законное клеймо.

Виктор поднял пилу. Было ощущение, что все это делает другой человек. В голове разлилась тяжелая изотопная ртуть.

Кривуля вынул фляжку из внутреннего кармана. Протянул Виктору.

– Вот. Волчок для тебя браги налил. Наебни.

Виктор перехватил емкость. Бензопила мешала отвинтить пробку. Кривуля помог и первым сделал большой глоток. Виктор обтер пальцами горлышко и отпил. Брага отдавала хлебным вкусом. Будто и не на ягодах. Сделал еще два глотка.

Кривуля забрал флягу. Подтолкнул в сторону жертвы. Виктор с пилой наперевес стал по миллиметру приближаться к дереву, где был привязан Южный. Только теперь пленник стал вырываться из пут.

Виктор застыл в шаге от жертвы. Сзади подгонял Драп. Слева, присев на бревно, курили Кривуля с Бородавкой. Шершень достал мобильник и стал набирать цифры, каждое нажатие сопровождалось глухим бляком.

Драп приказал:

– Заводи мотор.

Шершень дозвонился.

– Кончаем щас, – отрапортовал он. – Минуты две еще... Может, быстрее.

Отключился, но продолжал стоять с телефоном в руке. Тер им пухлую небритую щеку. Виктор слышал, как пластмассовый корпус цепляет каждый волосок щетины. Он завел пилу. Ему показалось, будто она ревет в сто раз громче прежнего. Оглянулся на Драпа. Тот несколько раз зачерпнул большой ладонью воздух, жест означал – не медли!

Оглушительно гавкнула птица на дереве. Виктор сделал еще полшага. Южный бешено рвался на волю. Задралась рубаха. Завиднелась розовая ссадина на боку, успел натереть о сосновую кору.

Драп потерял терпение. Ругнулся. Обнял сзади Виктора, заграбастав обе его руки в свои. Поставил пилу горизонтально и согнутым коленом припер палача к жертве. Оставалось еще сантиметра три. Виктора замутило, он свесил голову вбок и выплюнул горький комок. Закашлялся.

Драп сказал:

– Не ссы, политический.

Пила коснулась живота Южного. Тот резко дернулся вбок, но только глубже увяз в пиле. Визг жертвы и визг пилы смешались.

Дорофеев зажмурил глаза, дернулся что есть сил и вырвался из объятий Драпа. Разворачиваясь, он всадил ему визжащее лезвие в грудь. Драп заорал. Очумевший Виктор открыл глаза, и блеск срезанных Драповых ребер навсегда отпечатался на сетчатке. Справа на него летели Кривуля и Бородавка с взведенными топорами. Он отмахнулся от них рычащей пилой, развернулся и побежал в сторону Шершня. Шут все еще чесал мобильником щеку. Виктор бросил пилу ему под ноги, выхватил телефон и рванул в чащу. Ему в спину ткнулось древко топора. Даже с ног не сбило.

Он оглянулся. В метрах десяти за ним бежал Петр. Бородавка подсек его. Петр, падая, крикнул:

– Не останавливайся, жми...

Виктор и не думал останавливаться.

В голову что-то ткнулось. Тяжелое. В извилинах всплыла бегущая лермонтовская строка: «И кто-то камень положил в его протянутую руку...» Или это Пушкин написал?

Минут через двадцать беглец тормознул, обняв сочащуюся белой пеной сосну. Погоня отстала. Сердце колотило в саднящие ребра. Виктор вспомнил разрезанную грудину Драпа. И вновь побежал. Тут и вспомнил: «...правой не загребай, левой не отставай, глаза от ветвей защищай».

Большая страна: есть где спрятаться.

Виктор потыкал кнопки телефона на предмет, нет ли навигатора. Но уже знал, что нет. В колонии разрешали пользоваться только ретромоделями, где только звонки и СМС. Чтобы ни камеры, ни bluetooth. Связь не находилась, что неудивительно – откуда вышки в лесной глуши...

Виктории он бы позвонил сейчас с удовольствием. Когда она эмигрировала в Швецию, под крылышко к марокканке Латифе, с которой у них сначала вспыхнула жаркая переписка, а потом и страсть, общение их с Виктором стало эпизодическим. Машу она забрала с собой. Дорофеев писал Вике в фейсбучную личку раз в две недели, а то и реже. Что жив, что все более-менее. Слов десять, двенадцать. Она присылала слов этак двадцать. О том, как Маша учится, каковы их успехи в шведском языке, что летали на выхи в Гренландию, что нашли новую квартиру – сорок пять минут до даунтауна, но зато какие виды...

Дорофеев заметил ягодные кусты. Обмяк возле них. Притягивая веточки к лицу, губами обрывал ягодную мякоть. Ягод было видимо-невидимо, урожайный вышел сезон. Не столько наелся, сколько утолил жажду. Был смысл набрать ягод впрок, но не во что. Насобирали в карман. Его все еще била лихорадка, руки дрожали, вдоль позвоночника бегали неутомимые ежи.

Солнце танцевало примерно на четырех часах. До темноты была еще куча времени. Дорофеев побрел, стараясь левой не отставать...

Еще до отъезда Виктории многие его дружеские связи порвались. «Хемингуэй» разбрелись кто куда. Гитарист подался на Гоа. Подтянул язык, устроился инструктором йоги и назад возвращаться не собирался. Виктор натыкался в соцсетях на его индийские фотографии – то он курит огромный бонг на сансете у ленивого океана, то позирует в какой-то изящной йоговской асане, то сидя на потрепанном мопеде, пальцами показывает «виктори». И везде улыбчивый, счастливый. Иногда они перебрасывались сообщениями. Гитарист сразу предупредил Дорофеева: о политике он знать ничего не хочет, сами, мол, там разбирайтесь. Но в случае приезда Виктора в гости обещал помочь с размещением. А трубач подался в движение Антимайдан. Виктор с изумлением наблюдал, как тот в фейсбуке постит пропагандистские тексты и в комментах славит порядок Всевышнего Лица. Общаться они перестали.

6

Дорофеев видел, что новоявленный режим не совсем тоталитарный. Он был блевотный, тошнотный – но не тоталитарный. Оставлял какие-то щели, скважины. Узкие – но оставлял. И если ты хотел расширить для себя просвет, полынью, найти убежище своим мыслям, нужно было найти друзей, единомышленников. Нужно было построить альтернативную реальность, малое государство в государстве огромном. Не вляпаться, не замазаться, сберечь честное имя – вот что стало доблестью в наступивших временах. Потеряв на холодной гражданской войне нескольких друзей, Дорофеев нашел новых. Те не были упертой демшизой – просто начитанные ребята, не желающие участвовать в общем неврозе. Нормальные. Психически здоровые. Собирались они в небольшом чайном подвальчике. Болтали об американских сериалах, книжных новинках и, конечно, абсурдной хронике текущих событий. Много смеялись. Бывало, застревали в квартире Юры Голосова, руководителя небольшого частного театра, благо квартира его была в центре города. В конце нулевых Юра удачно инсценировал ерофеевскую поэму «Москва – Петушки», спектакль по городским меркам вышел такой оглушительный, что репертуарные театры, испугавшись конкуренции, перестали предоставлять Юре в аренду свои сцены. Выступать стало негде. Теперь он держался на плаву лишь за счет корпоративов. Но их, увы, было немного.

Лесь Листопадов перебрался на Волгу из Одессы, на тамошнем Привозе он познакомился с русоволосой Надей, а навестив ее однажды, полюбил волжские места и без долгих сборов перебрался к ней. Правда, через полгода они разбежались. Лесь домой так и не вернулся, а устроился оператором на местный телеканал.

Саша Коршунов зарабатывал на жизнь переводами с китайского, а в свободное время рисовал гигантские абстракции. Кстати, именно он познакомил друзей с книгой «Шанцзюнь шу» и заключенными в ней идеями легизма, которые в первом веке до нашей эры пришли на смену конфуцианству. Коршун легко укладывал максимы легизма в две фразы: «Режим, где хорошие люди управляют плохими, всегда страдает от беспорядков, а тот, где плохие властвуют над хорошими, управляется на славу. Когда в стране процветают стихи и история, этикет и музыка, добродетель и самоусовершенствование, благородство и честь, ум и споры, тогда правителю некого использовать для войны». Совпадения с новой российской реальностью были очевидны, и было ясно, с какого образца Кремль усердно плагиатит.

У Юры имелась гитара, и когда кончалось вино, а разговор забивался в слишком депрессивные туннели, Виктор пел свои песни. Иногда читал стихи. Остальные тоже читали свое. Уже не вспомнить, кто из друзей предложил устроить в своем кругу конкурс на лучшую рассказку про квасных патриотов, которых в тот год усиленно клонировали центральные телеканалы. Особенно полюбился друзьям персонаж с почвеническо-государственными взглядами – Писатель. Одно время, – когда режим Всевышнего Лица еще не громил любое проявление инакомыслия и сам правитель еще притворялся, что не прочь дружить с либеральным литературным кругом, – Писатель тоже старался быть на короткой ноге с литераторами-либералами. И даже не раз получал из их рук премии и прочие цацки. Но однажды ситуация перевернулась, и Всевышнее Лицо, поняв, что критическим мыслящим обществом сложно манипулировать, принялся создавать нацию с нуля, взяв за образец самую забитую часть советского народа – лояльную к любому начальнику, агрессивную к Западу и проклинающую слишком грамотных и ученых. Тогда же особым тайным распоряжением был создан спецназ литературы, который клепал на конвейере книги для масс – адаптированные переложения классики, серии методических пособий «Как победить врага» и сборники военных песен. Писатель и возглавил литературный спецназ. Он же определял, кто из русских классиков хорош, а кто плох, кто в настоящем достоин писательского звания, а кто –

нет. В прицел его меткого пера попали многие бывшие товарищи и благодетели. Дорофеевская компания со скуки сочинила о Писателе объемный цикл юморных миниатюр.

Вот одна из них: «Лежит Писатель на русской печке и думает, чем бы заняться. Книгу только что выпустил. Альбом только что выпустил. Мирного голубя в небо запустил. Помолиться в церковь белокаменную сходил. Но все равно как-то кисло на душе, много еще недостатков в стране, много еще гнид недовольных. Что же Писателю сейчас такое сделать, чтобы страна заискрила да возрадовалась?

Может, еще одного голубя в небо запустить? Нет, не то.

Может, еще один музыкальный альбом? Нет, рано, и с последнего еще не все песни выучила страна.

Может, еще книгу? Да сколько можно... Опять не то.

И тогда решил Писатель поставить в своем дворе скульптуру святого Владимира. Чтобы тот руками обнимал всю страну, а головой чистого неба касался. Да так воодушевился идеей, что тут же кинулся арматуру сваривать и замешивать бетон. И давайте мы с вами не будем ему мешать».

А вот другая: «Лежал-лежал Писатель на русской печке и... уснул. И снится ему, что он трижды Герой Социалистического Труда России. Снится, что он лауреат Ленинской и Сталинской премий, а также премии Всевышнего Лица. И что живет он в огромном дворце, и одной только челяди у него двадцать один человек, включая чернавку, что ноги ему в тазике оmyвает. Снится, что записывает он песни с самыми знаменитыми музыкантами, и те в очередь выстраиваются, чтобы только один аккорд на его записях взять. И что последний его фолиант в серии ЖЗЛ «Герой с позывным Гиви» переведен даже на язык африканского племени каннибалов. Сон этот снится ему во всех ослепительных красках – и никак не кончается. Спит Писатель и не желает просыпаться. К нему уж люди приходили, тормозили, а он не просыпается, настолько ему сон нравится. Его уж и так, и этак тормозили – не просыпается. Пощечины выписывали, в бок пихали – не просыпается. Пятки щекотали – не просыпается. В телевизор его зовут, а он все спит. И так на него все обиделись, что передумали переводить его книгу из серии ЖЗЛ «Герой с позывным Гиви» на язык каннибалов».

А вот еще одна: «Лежит Писатель на русской печке и за страну болеет душой. За каждого жителя – кроме невзрачных носатых либералов. Вдруг шум под окном. Слез с печки. Глядь, а по улице движется вальсирующим шагом гей-парад. Писатель не поверил своим глазам, протер их свежей портянкой. Да, самый настоящий гей-парад! Снял тогда Писатель с гвоздя надежный автомат Калашникова и давай сыпать из окна калибром 7,62. Многих геев на асфальт положил. Но то ли слишком громкая музыка, то ли геев на параде было много, только почти никто не услышал стрельбы. Как шли, вальсируя, так и идут – веселые, беззаботные. А у Писателя, как назло, ни одного запасного рожка. Он тогда размахнулся и автомат со всей богатырской силой запустил в толпу. В какого-то расфуфыренного гея попал. А тот поднял автомат, оглядел его рассеянным глазом, надел на шею и дальше пошел, пританцовывая с таким необычным аксессуаром.

Людей с оружием Писатель уважает. И гея этого он как-то даже с теплотой стал воспринимать. Не всех геев, конечно, – а только одного, вот этого расфуфыренного, с автоматом. Проводив его взглядом, залез Писатель на русскую печку и давай дальше за страну болеть душой».

За месяц-полтора таких миниатюр скопилось с полсотни. Слово за слово – и в один день Юре Голосову пришла идея их перенести на экран. Вот, мол, хохма всем будет. Лесь имел доступ к японской видеокамере и умел управляться с постпродакшном, Коршун брал на себя художественное оформление, а Юра с Виктором согласились сыграть все роли. С гримом помочь вызвалась Света, Юрина жена. У нее было свое небольшое пошивочное ате-

лье, выполняющее заказы для городских театров, и потому имелись связи в актерской среде. Парики и гардероб, понятно, были тоже на ней.

Первый ролик снимали и монтировали больше месяца. Виктор играл Писателя, а Юре доставались роли массовки, геев на параде он изображал особенно смешно. То было время бесконечного ржача – хохотали, когда снимали дубли, хохотали, когда Коршун показывал цифровые декорации, а уж на монтаже хохот вообще не смолкал. Стали думать, где размещать видео. Инстинкт самосохранения сработал, и вешать ролики у себя на страницах в фейсбуке все застремались. Посоветовались со знакомыми компьютерщиками, те предложили плавающие IP-адреса и криптосистемные алгоритмы шифрования, чтобы нельзя было отследить, кому принадлежит аккаунт на ютубе. И прожил этот веселый аккаунт почти семь месяцев.

«...Ночь пережди, снова иди, на солнце гляди». Дорофеев с детства боялся темноты и скрывающихся за занавесками призраков, и ночь в беспроглядном зловещем лесу представлялась ему сущим кошмаром. Да еще и комары безумствовали. То и дело в голове всплывала картина, как крошатся ребра Драпа. Отогнать ее не удавалось, переключиться было абсолютно не на что. Только на комаров, что гудели в нестройном си-минорном аккорде.

Виктор собирался соорудить лежанку и даже натаскал еловых ветвей, которых с лихвой хватило и на матрас, и на покрывало. Однако вспомнил старую студенческую премудрость – найти слегка наклоненную ель и ночевать, сидя под густой кроной, прижавшись спиной к стволу. Подходящее дерево Виктор отыскал, пройдя пару километров. Зажигалки у него не было – не курил. Да и костер выдал бы его месторасположение поисковому отряду. В том, что за ним отправили дозор, он не сомневался. Если с собаками – то труба. И только когда сквозь стволы пробилась дружеская солнечная рука, ночные страхи выветрились и Виктор наконец крепко уснул.

Проснулся он, когда его кто-то схватил за рукав. Аж вскочил от неожиданности. Возле него сидело нечто полупрозрачное, но с безошибочно узнаваемым силуэтом Драпа. Мускулистое нечто, с горбинкой на носу.

По паспорту Драп был Григорий Погодин, водила бульдозера, это Виктор помнил. Попался тот на пустыке. Транспортная компания, в которой он работал, взяла подряд на уничтожение продуктов питания, попавших под контрсанкции. Операцию проводили на городской свалке. Свезли около ста тонн контрабанды – копченое сало, сыр, персики, орехи в пакетиках. Драп должен был бульдозерным ножом раздавить продукты и смешать с мусором. Но у него разгорелось любопытство, и прежде чем начать работу, он подгрел к съедобной куче и стал ее разглядывать. Зачем-то поднял два пакетика фисташек и рассеянно сунул их в карман. Не успел съесть ни одного орешка. В конце трудового дня на свалку подъехали обэповцы и устроили тотальный шмон. Драп к тому времени уже и позабыл про орешки. Дали ему почти два года.

В первую же неделю в колонии боженька наказал Григория по-своему – трелевочник тяжелой «лопатой» придавил ему ногу. Провалился полтора месяца в больничке. Чем-то, скорее всего, силищей да наглым глазом, он Волчку приглянулся, и тот взял его под свое крыло. А нога – ничего, прошла.

Была у Драпа жена, даже один раз приезжала на трехдневную свиданку. Первые сутки они не вылезали из постели, и сексуальное горловое пение гостыи разлеталось далеко по поселку, а потом супруги вдрызг разругались, и больше жена не появлялась. Даже посылки перестала присылать. Но Драп не жаловался, Волчок в качестве патрона – лучше всякой жены. Он, бывало, и шлюх деревенских Драпу подкидывал, а от таких подарков в тюрьме не отказываются, так и знайте.

Прозрачная душа Драпа потянула Виктора за рукав. Настроена она была миролюбиво, заискивающе улыбалась, и Виктор перестал беспокоиться.

7

Полигон для Сталинградских Игрищ подготавливали со всей тщательностью. И место выбрали красивейшее: виднелась речная коса – пусть не Волга, но с довольно широким участком, имелся и пологий берег, который вполне мог сойти за степное стойбище, а поросший травой покатым холм должен был на ближайшие три дня стать Мамаевым курганом. Местные жители превратили Игрища в доходный промысел: пирожки, бутерброды и водку на полигоне можно было купить и днем и ночью, а весельные лодки курсировали через речку как такси.

Заранее прибывшие на место квартирьеры обустроивали лагерь. Рыли окопы, ставили блиндажи, доты. Воины противоборствующих сторон помогали друг другу. Пехотинцы устраивали мастер-классы по возведению пулеметных точек, танкисты сколачивали фанерных броненосцев на гусеницах и покрывали их сверкающей фольгой.

Маше Дорофеевой досталась роль начальника санитарного обоза Донского фронта. Пока медсестры занимались постройкой санитарной землянки, Маша инспектировала снабжение расходными материалами. Было вдоволь бинтов, шин и шприцов – накануне раздраконили еврейскую аптеку, но об этом старались не шуметь.

Когда солнце покрасило облака чайным цветом, на белом коне прискакал Радий Зубров. Он был в генеральском кителе, сшитом из парусины, – в первой половине Сталинградских Игрищ он исполнял роль командующего Донского фронта Рокоссовского. Зубров спешил к землянке, прошел внутрь. Выгнал медсестер-хабалок, обнял Машу. От него несло кислым конским потом. Метнув взгляд на часы, он торопливо попрощался и ускакал на сансет.

Противоборствующие стороны развели на два с половиной километра, но напряжение ощущалось даже на таком расстоянии. Первый костер вспыхнул в лагере фашистской Державы Оси. Огонь «фрицев» выделял завитки нервных вангоговских мазков на ночном небесном холсте. Пацаны еще и «Хорста Весселя» затянули, куя ритм тяжелыми коваными сапогами. Стало жутковато. Пехотинцы-дончане на правом фланге устроили свой костер. Он был цвета запекшейся крови, языки пламени отрывались от раскаленного угля и улетали в небо перьями гигантской жар-птицы.

Поле будущей брани просматривалось насквозь. Танкисты у костра демонстрировали искусство нижнего брейка. Невысокий бард с рябым лицом под аккомпанемент трехрядки затянул длинную песню о том, что в бою побеждает тот, кто больше отдает, кто большим готов жертвовать, кто полнее проживает жизнь и кто умеет читать по небесным скрижалям. Побеждает, потому что доверяет собственной чуйке и идет до конца.

Ночь прошла в нервном напряжении. Совет военачальников Донского фронта утвердил план кампании по обороне Сталинграда, в нем нашлось применение и батальону смельчаков-артиллеристов, и мобильной мотострелковой армии, и танковому подразделению, и элитной эскадрилье из алюминиевой фольги. Маша спала урывками, все время чудилось, что фашисты уже двинулись в атаку. Хотя знала же, что на рассвете обоим фронтам предстоит пройти процедуру чипования оружия у мастеров по «боевке». Без чипа «допущено к игре» использовать оружие было нельзя.

Так и вышло – с первыми лучами солнца Высшие мастера проверили перевязочный материал и содержимое аптечек. Обошлось без сюрпризов – допинг не был найден. После процедуры чипования все участники Сталинградских Игрищ приступили к утренней молитве советским богам. Упоминали по порядку военачальников больших и малых сражений, павших и воскресших героев, салютовали кодовым номерам неизвестных солдат. Но

не успели мальчишеские голоса перечислить имена двадцати восьми героев-панфиловцев, как черные фашистские полчища нанесли охватывающий удар по флангам на подступах к серпообразной речной излучине и, прорвав позиции красноармейцев, выскочили в районе населенного пункта Верхне-Бузиновка. Маша еще горько усмехнулась: «Так вот что такое – вероломно...»

Гонцы прилетели с дурными вестями – войска вермахта, подбив бронепоезд и несколько танков из красной фольги, вспороли оборону и объявились у станции Погостье. В санчасть стали поступать первые раненые. Маша осмотрела бедолаг – перебитые конечности, свернутые шеи, снесенные скальпы. Санитарки засуетились с йодом, перекисью и бинтами. В землянке запахло мужским секретом и страхом. Кое-кто из раненых стонал, излишне актерствуя.

На нарах метался в агонии мальчик-танкист. Губы побелевшие, щеки впалые. Ему полностью ампутировали ногу. Он не раз слетал с нар на пол, терял сознание, а когда его приводили в чувство, жаловался, что у него захладела нога, что она щемит. И показывал на ту, которую отняли. Санитарки чуть ли не плакали от жалости к этому парню. Маша присела к нему. Как умела, вселяла в него надежду на жизнь: хоть и без ноги, но все-таки жизнь. Мальчик пытался улыбнуться. Маша попросила медсестру вколоть ему еще один обезболивающий.

Пригибаясь, она вышла на воздух. Пахло жженой пробкой. Новости отовсюду были нехороши. У Плодовитого и Абганерова советская оборона посыпалась. Людей на дозоры явно не хватало, а обещанная подмога от союзников вовремя не явилась. Фашистские танки прорывались к Волге. У Красноармейска советским частям удалось закрепиться на крохотном пятачке, и командование стало перебрасывать туда резервные силы. Бои, как и обещали эксперты, приобретали ожесточенный и затяжной характер.

Мимо санчасти пробежал раненый в плечо гонец, передавший на ходу категорическое требование руководства – «Ни шагу назад!». За ним полз контуженый знаменосец, прижимая к боку мятый полковой штандарт. Над ухом Маши просвистела пуля. Девушка шмыгнула в спасительную землянку.

В ее отсутствие несколько раненых умерло. В том числе и безногий мальчик. Мертвякам надели на головы белые сигнальные хайратники, и те, помеченные смертью, сгрудились у входа и над чем-то смеялись в забинтованные кулаки. Из Игрищ они вышли минимум до следующего утра.

У Маши Дорофеевой затренькала китайская рация. Звонили из ставки: «Сейчас с вами будет говорить командующий Рокоссовский». Радий сообщил, что стрелковая дивизия попала под каток немецкой танковой колонны и почти полностью уничтожена. А ударная группировка армии Третьего рейха, легко преодолев оборонительные рубежи советских войск, вырвалась к речной косе близ северной окраины Сталинграда. Командующий наказал, чтобы были готовы к массовому приему раненых.

Маша довела информацию до медсестер и санитарок. Те пожаловались на ощутимый дефицит перевязочного материала. Пришлось отрядить двух нетяжелых раненых в ставку за медикаментами. У одного из них бинты насквозь пропитались кетчупом, Маша заново его перебинтовала.

Она вновь вышла из землянки и проводила ковыляющих раненых взглядом. Солнце щурилось. На реке пылала переправа, которую с утра налаживали части вермахта. Далеко на горизонте шел бой. Судя по доносящемуся гвалту, краска в карабинах закончилась, и бойцы сошлись в рукопашной. Обычно в таких случаях травм случалось невпроворот, кости ломались, как спички.

Проснулась радиоточка, и из расставленных по периметру полигона чугунных вещалок, прокашлявшись, заговорил сам Левитан. В текущей сводке Совинформбюро сообща-

лось, что премьер-министр Великобритании Черчилль в послании Сталину от 1 февраля 1943 года назвал победу Красной армии под Сталинградом изумительной, а король Британской империи прислал Сталинграду дарственный меч, на клинке которого на русском и английском языках выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, – от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа». Маша про себя отметила, что в эфир запустили сводку, которая должна была прозвучать лишь после победы Красной армии, а это случится в лучшем случае завтра. На радиоточке все же опомнились и запустили другую запись: «...Новообразованная вермахтом группа армий “Дон” под командованием фельдмаршала Манштейна предприняла попытку прорыва блокады окруженных войск, в то же время принявший командование Донским фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский перешел в наступление в направлении на Мамаев курган».

Маша обернулась на холм. Стрелковая дивизия фашистов стремительной атакой заняла западные и южные скаты Мамаева кургана. По краю холма противник вкапывал угрожающие черные флаги со свастикой. Небольшой разведотряд красноармейцев принял бой на склоне, но, не получив своевременной поддержки от резерва, был полностью перебит и теперь в полном составе направлялся в мертвятник, базирующийся в ближайшей деревне.

Из штаба вернулись бойцы с перевязочным материалом. Бинтов оказалось меньше, чем Маша рассчитывала. Парни наперебой делились новостями. Танковый батальон армии вермахта, состоящий из пятнадцати боевых бронемашин, своим левым флангом сомкнулся у пункта Яблочное с войсками элитной полевой армии и вышел к приволжским возвышенностям у западной окраины Сталинграда. Советская оборона рассыпалась, как подсолнечная шелуха. Враг продвигался сумасшедшими темпами. Натиск был столь силен, что красноармейцам пришлось не отступать, а попросту драпать. Гитлер в послании нации заявил, что советские резервы вот-вот будут исчерпаны и последний бросок к Волге приведет к полной победе вермахта над Советами. Перед Игрищами Маша тщательно изучала сценарий, и сейчас он трещал по всем швам. Противник сорвался с петель, наплевав на правила и договоренности.

Раненые потекли бурным ручьем. У одного и впрямь была сломана рука, наложили шину из школьной линейки. Хорошо хоть перелом закрытый. Маша отправила его в ставку с требованием срочной эвакуации на большую землю. Еще у двух горе-воjak медсестры диагностировали сотрясение мозга. Всех погибших геройской смертью отправили в мертвятник, а то они в санчасти только место занимали, к тому же распивали теплое пиво и дурачились.

На восточных подступах к Мамаеву кургану развернулся неравный бой между танковым корпусом Третьего рейха и кучкой бесстрашных красных стрелков, что залегли за невысоким бруствером. Перед войной были сняты с производства, как не оправдавшие себя, противотанковые бронебойные снаряды 76 миллиметров, и в отсутствие добротного артиллерийского прикрытия пехотинцам приходилось бросаться на немецкие танки с бутылками керосина. И пока головная вражья машина, покрытая черной фольгой, наводила пушку на бруствер, с земли поднялся невысокий солдат. Его бутылка с горючей жидкостью воспламенилась от попадания пули. Охваченный пламенем, солдат бросился к танковому борту, разбил о решетку моторного отсека вторую бутылку и доблестно лег на броню. Его примеру последовали и остальные пехотинцы. Это был момент истины. Это был перелом сражения.

В центре боя возник всадник в белом генеральском кителе. Казалось, конь не скакал, а парил. За ним следовали урчащие красные танки и многочисленная пехота. Поле хорошо простреливалось артиллерией вермахта, а местами пулеметным и автоматным огнем – однако урона эта стрельба не наносила, словно командующий и его войско были заговорены. Но не успели противники сойтись в смертельной схватке, как изо всех динамиков донесся гонг, сигнализирующий о перемирии до следующего рассвета.

Радий подъехал к землянке. Он удивительно ловко сидел в седле. Кокарда на фуражке блестела огнем. Полководец остановил коня и заставил его несколько раз развернуться вокруг своей оси. Не сказав ничего, он сказал много. Маша не стала долго смотреть ему вслед, у нее тоже было полно дел. Принесли стрелка, который сдуру залил в бутылку настоящего керосина – и во время танковой атаки обжег ноги. Медсестры принялись заливать ему колени пантенолом из баллончика. Он старался не плакать, только закусывал губы.

Всю ночь на реке вражеские саперы возводили переправу. Правила позволяли им это делать. По всему берегу, насколько хватало взгляда, полыхали высокие королевские костры. И вокруг них пели и танцевали уставшие бойцы обеих армий. Уже вперемешку. Маша Дорофеева так устала, что и часа не просидела у костра, пошла спать. В палатке похрапывали две хлебнувшие медицинского спирта санитарки, но Маша уснула, едва ее щека коснулась набитой сеном подушки.

Пропели голосистые петухи из деревни, что яркой гусеницей расползлась за полигоном. Маша проснулась и попыталась сделать потягушки, но ступни уперлись в стенку палатки. Она касанием пальца разбудила телефон, тот высветил время. Пора вставать, иначе не увидишь бой за переправу, а он обещал быть зрелищным.

Парил легкий туман. Заспанные медсестры стекались к санчасти. К ней же кособоко ковыляли раненые. Волдыри «керосинщика» выглядели хуже, чем вчера. Дали ему двойную аспирину и вдоволь попшикали пантенолом. Держался он, правда, героически.

Маша вглядывалась в горизонт. Тревога обвилась вокруг головы, как обруч. Повсюду виднелись артефакты проголодавшейся войны – смятые танки из фольги разных расцветок, разбитые пушки, погнутые заградительные ежи, рассыпанное бутылочное стекло и упрямые люди, бросающиеся в пекло схватки на голом подзаводе. Вокруг землянки вились клубы сизого пластмассового дыма.

Крики «ура» рассекли росяной воздух. Донской фронт перешел в наступление. Заухали загодя пристрелянные «катюши», раз за разом укладывая снаряды точно в цель. Пехотные батальоны короткими перебежками двинулись по направлению к Мамаеву кургану.

Передовой отряд красноармейского танкового корпуса с включенными фарами без единого выстрела взрезал оборону фашистских войск и на полном ходу устремился к восстановленной переправе. Войска вермахта приняли колонну за свой учебный батальон, оснащенный трофейной техникой. Воспользовавшись замешательством охраны, танкисты заняли переправу и сумели удерживать ее до подхода основных сил. Перед резервными подразделениями мотострелков ставилась задача разгромить тылы и штабы вражеского войска, отрезать фашистам пути отступления на запад и юго-запад. Мотоциклетные колесницы покатались на противника угрожающим ромбом.

Мамаев курган, еще вчера украшенный черными свастиками, постепенно заполнялся красными стягами. Энергия врага постепенно угасала. Штурмующие холм красноармейцы были измотаны не меньше обороняющихся, но первые воевали уже не столько оружием или куражом, сколько всем своим упрямым человеческим мясом. Маша видела, как ее солдатик с обожженными коленями выбрался на полусогнутых из санитарной землянки и сорвался в штыковую атаку, подзаводя себя матерным рыком. Она почувствовала, что и ее захлестывает волна всеобщего упоения и азарта. И, чтобы обнулить наваждение, она нырнула к медсестрам в землянку. Принесли несколько раненых фашистов. Стали их перевязывать. Одного из них, симпатичного светловолосого паренька, вытащили с переломанными под гусеницами ногами в шоковом состоянии, вскоре он скончался. Маша повязала ему на голову белую повязку, знак павшего смертью.

Вскоре из всех громкоговорителей донесся вой канонады. Медсестры высыпались наружу. На горизонте показалась красная кавалерия. И впереди, разрубая дедушкиной шашкой воздух, летел Радий Зубров. На нем был темно-синий бархатный мундир, и многочис-

ленные звенящие ордена облекали его тело, словно бронзовая кольчуга. Это был уже не Рокоссовский – а сам Жуков. И он навстречу судьбе вел за собой эльфов в легких белоснежных одеяниях. Все они были словно из породы неуничтожимых.

Сокрушительным натиском кавалеристы прорвали защиту противника. Один из всадников, соскочив с коня, закрыл грудью раскаленную амбразуру немецкого дзота, и его подвиг, как по команде, повторили несколько его товарищей. В небе, громоподобно хлопая ярко-красными крыльями, резвилась птичья авиация, заливая фашистского агрессора огненным пометом.

На подмогу Красной армии вышли деревенские мужики с вилами и дубинами. Такое не было запланировано сценарием Сталинградских Игрищ, но кто сейчас с ним сверялся. Наступающие ювелирно выверенным маневром окружили группировку Третьего рейха и теперь крошили ее на мелкие дольки. План операции «Кольцо Победы» вступил в финальную часть. По всему периметру Игрищ началась ликвидация фашистской силы. Противник, растерявшись, в спешке терял штандарты, много их, накануне с любовью выглаженных, валялось в пыли. Враг массово сдавался в плен. Жуков лично сграбастал фельдмаршала Паулюса, который ему едва доставал до плеч. Узколобый мальчуган с едва наметившимися усиками и белым хрупким шрамом чуть выше губы не оказывал никакого сопротивления. Сам сорвал со своего кителя железные кресты и ордена. Вместе с Паулюсом сдались в плен его штаб и жалкие остатки армии. Победители отламывали с фашистских мундиров погоны и прочие знаки отличий. Жуков ребром ладони сбил последний орден с груди Паулюса.

Маша подошла к Радио и взяла его за руку, украшенную свежим клеймом «ВЛ». Глядел он хищно. Весь мир лежал у его обтянутых синими галифе ног. Солнце закатилось. Отчаянное богатырское бражничание во имя Великой Победы продолжалось всю ночь и даже захватило утро.

8

– Политический, а политический... – бесплотная душа Драпа растянула рот в кривенькой заискивающей улыбке, так улыбается в подворотне шпана, вымогая сотку на опохмел – и ведь ведешься. Отправляешь нетвердую руку в карман и вытягиваешь хотя бы две медяшки – «на, бери что есть», а то мало ли что, вдруг нечаянным ножом пырнет.

Дорофеев молчал. Душа убитого водилы его совершенно не пугала. Закатал штанину и проводил инспекцию ног. Кожа покрылась волдырями от бомбардировок вампиров и дьявольски чесалась.

– Политический... Да ты не бойся.

«Да не боюсь я», – мысленно ответил Виктор.

– Понимаю, впервые кого-то жизни лишил. Спрашиваешь себя, «тварь ли дрожащая или право имею»? Знаю, вас, интеллигентных, маффинами не корми, а дай загрузить мозги проклятыми вопросами. Да ты не бойся. Хотя бойся, бойся. Кто не ссыт – тот гибнет, это известно.

Виктор вспомнил, что вчера набрал ягод в карман. Но там было пусто. Неужто во сне слопал?

– Слышь, политический... Я вот даже особо и не горевал, что так несуразно жизнь окончил. Я ж теперь дух свободный, где хочу, там и вею. Никто мне не указчик.

«Хоть бы комары тебя сожрали!» – пришло в голову Виктору.

– Да какие комары! О чем ты? – душа приняла форму сферы, завертелась вокруг оси. – Вот что, политический... Ты спасибо должен сказать, что с тобой так мягко обошлись. Не знаю, что вы там с друзьями белоленточными замышляли... Может, даже и теракт. Но обошлись с вами по-вегетариански. Не расстреляли, не подписали десяточку на строгую. Подумаешь, сослали на поселение... Почти под сталинскую копирку – «изолировать, но сохра-

нить!». Тот же принцип, как ты должен помнить, был применен к поэту Мандель... как его там... В общем, к поэту Манделькакевотаму. Знаешь такого?

Виктор отодвинулся от крутящейся сферы.

– «Изолировать – но сохранить». Поместить в среду, где писатель Виктор Дорофеев будет сближаться с народом. Чтоб здоровое трудовое общество, окуная его головой в вонючую жижу жизни, перевоспитало. Чтоб хлебнул он не из хрустального бокала цивилизованного мира – а из грязной лужи первобытной природы. Поднабрался чтоб энергии от корней, держащих Русь-матушку.

«Да знаю я ваши принципы. У вас лишь самые никчемные выживают».

Душа Драпа демонически захохотала, еще быстрее завертевшись юлой. Две птицы, до того спокойно внимающие ее речам с еловой ветки, нервно взлетели.

– Тебе сделали подножку. Помогли упасть в грязь, где ты должен напитаться страхом, страх и выправит твой нравственный изъян.

Бесплотная сущность остановила кружение, пододвинулась вплотную к беглецу и втянула через ноздри воздух.

– Запашок страха уже чувствую. И это правильно – человек должен пройти через страх, через страдания, через усушку и утриску. Счастье покупается только маетой, только мытарством. Если не грешить, если не страдать – креста не найдешь.

«Я крест и не ищущу».

– А вот врешь, политический. Не искал бы – то и не стряпал бы романчик свой похабный. Не кропал бы рассказы, гротескно выставяющие Писателя и Всевышнее Лицо...

«Понимала бы что в романах».

– Что надо – понимаю. Ты ж, отбивая тексты на клавиатуре, осознавал, что за них можешь загреметь. Получается, политический, тщеславие и гордыня вели тебя. И объясни мне, темной, отчего вы это все либералишки против присоединения Крыма? Прямо-таки кривитесь, когда о нем речь заходит. Крючит вас...

«Неужели все разжевывать надо?»

– Разжуй нам, бесплотным, не сочти за труд.

«Ну, давай представим футбольный матч на нашей площадке, – начал Виктор мысленный спич, – играем против кого-то заграничным. А судья почему-то наш. В футболе есть правила: можно играть ногами, головой и грудью. И вот все бегают по полю, бьют головой, пинают ногами, принимают на грудь. Вдруг наша атака! Центрфорвард подхватывает мяч рукой и посылает в ворота, гол! Судья – он же наш! – мяч засчитывает. Народ на стадионе ликует! Правда, не весь. Примерно 86 процентов зрителей видели, что мяч забит рукой, но это их не смущает – главное, что забили. А оставшиеся 14 процентов испытывают стыд за своих футболистов, ведь забили-то не по правилам. И что еще важно: за судьей матча наблюдает Международный судейский комитет, и, разумеется, после игры его вызывают на ковер и спрашивают, почему он засчитал гол. А тот гордо: «А потому! Это ж наши забили – вот я и засчитал!» И тогда Международный судейский комитет накладывает на судью санкции и отправляет его судьей в школу № 154, которую я сам некогда окончил. Была у нас перед школьным зданием вытопанная поляна – и теперь тому судье разрешалось только на ней игры судить. Вот он с утра до вечера судит матчи между командами разных классов. И это, знаешь ли, его дико злило. Когда ребятня сетовала, что мяч сдулся или сетка в воротах прохудилась, судья отмахивался: мол, это все происки Международного судейского комитета, от него все дыры и прочее обветшание. Повторял он это с редким упорством. Отчего футбольная ребятня тоже стала думать, что во всех их локальных бедах виноват далекий судейский комитет. И они туда не единожды отправляли ультиматумы: «Заштопайте нам сетку в воротах – или мы не станем больше играть!», «Пришлите новый мяч – или война!». В Международном комитете получали ультиматумы и удивлялись: какая сетка, какой мяч? О судьбе

том они совершенно забыли, мало ли дураков сбрендивших. Такая вот история. Короче, не надо руками в большом футболе играть».

– Ну ты и дурачило! Да если бы наш центрфорвард не забил рукой, то Шестой флот США уже занял бы все футбольное поле! Ты, политический, пойми, наконец, крымнаш – это эрегированный член, который ввели во влажную вагину гогочущей толпы. И совершенно не важно – помогая руками, ногами или еще чем-то. Толпа жаждет его, а он покорно оплодотворяет ее.

Виктор сплюнул с досады.

«Душа, ты вроде неглупая. Всевышнее Лицо, или тот, кто придет ему на смену, еще будет, сидя на кремлевской завалинке, хмурить попу да кумекать, как бы половчее Крым назад вернуть, да так, чтоб не пришлось еще и денег в придачу накинуть».

Спорить дальше не имело смысла – оба это понимали.

После паузы душа молвила:

– А вот порешил ты меня правильно. Сам того не желая, отомстил за кореша моего школьного. Мы с ним, конопатым, жили на одной лестничной клетке. Гуляли, мячом чеканили. По соседней стройке лазали. Отогнем жестяной лист, подтянемся на трубе – и уже внутри. А там столько развлечений можно придумать. Трубы валялись пластмассовые. Изоляция, что ли. Если такую трубу поджечь, она жидкими огненными слезами капала...

«...и ты дружка своего убил».

– Пойми, и в мыслях не было. Мы ж корефанили с яслей. Разожгли мы, значит, трубу и давай брызгать друг в друга этими огненными каплями. Я первый брызнул в него, попал на руку – он заорал и пульнул в меня целую очередь. По рубашке моей прошла. Я ответил.

Душа приняла форму ребенка младшего школьного возраста. Задышала быстро, словно собиралась заплакать. Голос задрожал.

– Так вот, я – в него! И случайно саданул огненными брызгами ему по лицу. В глаза попал. Как он кричал, до сих пор помню. Пойми ты, политический... Я просто испугался. Просто не знал, как все поправить...

Душа заговорила плаксивым тоном. Виктор зачем-то вынул телефон Шершня. Безуспешно пощелкал в поисках связи. Спрятал назад.

– ...Ну, и по голове долбанул ему кирпичом два раза. Не вести же его, безглазого, к родителям. Те бы с меня живого шкуру срезали, у него отец знаешь какой был, у-у-у! В подвале яма была. Так я корефана своего, Гришкой Елисеевым его звали, туда сбросил. И песком забросал. Надежно укрыл, не нашли. Правильно, что ты, политический, грудь мою распахал. Даже как-то легче стало. Но ты все равно себя производи, помучай. Герою русского романа это полезно. Только через падение наберешься разума. А падать тебе предстоит на самое дно. Так долго падать, что прямо до самой турецкой пасхи.

На последнем слове душа стала уменьшаться в размере, пока не стала такой ничтожной, что пролезла под ноготь правого мизинца Виктора да там и устроилась на ночлег.

«...правой не загребай, левой не отставай, глаза от ветвей защищай... к озеру придешь, в воду войдешь, меня позовешь».

Виктор старался идти по прямой, хотя тропинок в лесу никто не натоптал и ориентиры отсутствовали. Он учился различать отдельные птичьи партии – уверенные трели взрослых особей, репетиционные киксы птенцов, длинное легато, имитирующее гудки паровоза, и клацающие звоночки. Когда солнце висело на трех часах дня, из-за деревьев выплыло озеро. Дорофеев сбросил башмаки и зашел по щиколотку. Пил, черпая спасение ладонями. Вода была сладкая на вкус. В колонии рассказывали, что это все из-за метеорита, который в Петровские времена упал в этих краях. Виктор пил, пил, не в силах утолить жажду.

Писать «Щит уповающим» Дорофеев начал, когда до Черной Дыры оставалось полтора года. Симптомы болезни страны были уже слишком заметны. В меню ресторана одного курортного города появились блюда «Саркози во французской булочке» и «Тепленький Обама с печёнкой Меркель». В другом городе судили сорок шесть человек за то, что они вступили в фейсбучную группу под названием «Бог убил себя сам!». В третьем – оштрафовали мужчину за татуировку в виде пацифика. В четвертом – сожгли библиотечные книги Войновича и Домбровского. Ну, и как апофеоз абсурда – кольца Сатурна были объявлены территорией русской православной церкви. В этой гротескной складке времени был принят закон «О защите чести и достоинства Всевышнего Лица», который предусматривал за «нанесение ущерба чести и достоинству главы государства» лишение свободы до пяти лет, а с отягчающими обстоятельствами, как то: оскорбление посредством статьи в соцсетях – до семи лет.

Но Дорофеев и его друзья не унывали. Если уж выпало жить в эпоху перемен – то хотя бы надо провести жизнь с драйвом. Они считали себя наследниками шестидесятников. Те пели про бумажного солдата, что переделать мир хотел, чтоб был счастливым каждый, а они сочиняли издевательские рассказы про того солдата, который был готов переделать мир во славу империи, а не человека. Жили с ощущением отложенного, но неизбежного взрыва, неизвестно было лишь, в какой миг всё сдетонирует.

Количество просмотров роликов про Писателя на ютубе росло день ото дня, и это приносило удовлетворение. Единомышленники поддерживали их лайками и перепостами. И даже то, что под каждым видео комментов осуждающих и проклинающих было гораздо больше, общую картину не портило. Логика оппонентов была прогнозируема: власть априори права, осмеяние государства есть подкоп под святыни, в ход шел не раз проверенный набор: «неизбывная тяга либерастов гавкать», «излюбленные приемчики госдеполюбцев», «попил-поспал, поел-посрал, я – российский либерал».

Роман «Щит уповающим» тем временем рос как на дрожжах. За основу Виктор взял историю фольклорного Рипа ван Винкля, пробудившегося после многолетнего сна и отставшего от своего времени. Главный герой – школьный учитель истории Федор Правдишин заснул на операционном столе в 2010 году и в коме пролежал вплоть до 2018-го. Проспал начало войны с Украиной, проспал запрет значка пацифика, проспал погромы семей иностранцев, да много чего он проспал. Когда физическое состояние позволило Правдишину работать, он пришел в ту же школу, где трудился до погружения в глубокий сон. Школа не слишком изменилась. Директор был тот же, и завучи, хоть и постарели, тоже были еще в строю. И физрука, что преподавал прыжки через козла и лыжный коньковый ход, он отлично помнил. Федора Павловича приняли назад без понижения в трудовом реестре, правда, пообещав, что на его первые уроки будет захаживать инспекция гороно.

«Щит уповающим», глава 5

Вошел в класс с легким замиранием сердца. И вдруг взрыв! Топот ног, клцанье поднимаемых крышек, лязг отодвигаемых стульев. Вскочили. В тонкую струнку. Зачем?

А-а-а! Приветствуют меня. Как же я отвык от школы с ее, извините за тавтологию, вышколенностью. В мое время они ходили в разносортном – в джинсах, в юбках-колокольчиках, в футболках с яркими принтами. Теперь цветовая палитра сузилась до незначительных оттенков коричневого.

Поздоровался. Нормальный голос.

Дежурный подает мне мел, не глядя в лицо. И, отскочив, садится за первую парту.

А что же я? Дотронулся пальцами до доски, она – в тон школьной формы. Зашаталась, угрожает обрушиться. Или только показалось?

Второй взрыв! Топот ног, клацанье поднимаемых крышек, лязг отодвигаемых стульев. Инспекция. Двое. Мужчина – бугристый череп и запах табака. Женщина – мертвая собачья хватка.

Я вздрогнул. Надеюсь, никто не заметил.

Объявил название урока. Сидят носом в парту, записывают.

«Война – жесточайшее историческое явление, она оставляет после себя колоссальные жертвы и разрушения. В семнадцатом веке войны унесли три миллиона триста тысяч человеческих жизней, в восемнадцатом – пять миллионов двести тысяч, в девятнадцатом – пять с половиной миллионов. На полях Первой мировой жертв ровно столько, сколько унесли войны двух предыдущих веков. А Вторая мировая война, о которой сегодня пойдет речь, унесла шестьдесят четыре миллиона человеческих жизней, было ранено и искалечено 110 миллионов».

Записывают – кто-то в тетрадь, кто-то в планшет.

«Какие у вас возникают ассоциации со словом “война”?»

Подняли руки. Один сказал: «Русские воевать любят и умеют». Вторым: «Русские своих не бросают». Третий – еще одну отшлифованную пропагандой фразу.

Я в ужасе! Что за муха их укусила? Кажется, я покраснел.

Поправить их, указать на ошибки? Глянул на проверяющих. Непроницаемы. Их ничуть не корбит. Ни на маковое зернышко.

Нужно втираться к ним в доверие? Чтобы не обобрали, не ограбили...

«Самым главным уроком Второй мировой войны для всего человечества стало осознание того, что фашизм – не просто опасное явление двадцатого века, но оправданная идеология уничтожения целых народов и наций. Вы должны уяснить не только историческое значение победы, но и ее высокую цену. Понять последствия и уроки войны. Сделать выводы о трагизме и сокрушительной энергии любых войн».

Нормальный голос. Даже бодрый.

«Давайте вспомним, какие политические режимы установились в мире перед Второй мировой войной. В каких странах властвовал демократический режим?»

Кто-то с места ответил: «В СССР». Наступило торжественное молчание, такое тяжелое.

«Какие еще варианты?»

С задней парты негромко крикнула женщина-инспектор: «Вам же уже ответили!»

«Да. Хорошо. С этим мы еще разберемся... А в каких странах перед войной установился режим тоталитарный?»

Кто-то с места: «Германия, Италия». Другой: «Пиндосия». Третий: «Англичанка гадит!!»

Класс засмеялся. Еще бы понять, над чем...

«Я спрашивал о тоталитарных режимах...»

Третий с места настаивал: «Англичанка гадит!!»

Класс вновь рухнул от смеха. Инспекторы тоже засмеялись, понимающе кивая друг другу. Они все великолепно себя чувствовали. Вольготно, раскованно. Как люди.

«Назовите страны, избравшие агрессивную внешнюю политику...»

Наперебой с разных мест – «немцы», «пиндосы», «итальяшки»... И вновь тот, третий: «Англичанка гадит!!»

Заржали вновь. Инспекция заливалась вместе с учениками.

Хотел закричать, что за чушь вы мелете? Но смог сдержать себя.

Почувствовал, что стою с пылающими щеками, вид пришибленный.

«Напомню, что в первые дни войны двадцать восемь советских дивизий были полностью разгромлены, семьдесят две – потеряли половину личного состава. Это были тяжелейшие дни. Немецкие войска продвинулись в отдельных районах на шестьсот километров вглубь советской территории. Ими были захвачены Литва, Латвия, Белоруссия, Украина, Молдавия».

Третий, который талдычил про гадящую англичанку, сказал: «Ну и черт с ней, с Украиной. Ей все равно конец».

Фыркали, одобрительно поддакивали.

«Какие же причины способствовали поражению Красной армии в начале войны?»

Кто-то выкрикнул: «Русские все равно всех победили!»

«Победили, да. Но какой ценой – это мы должны осознавать. Гитлеровская армия была очень мощной, имела двухлетний опыт ведения войны в Европе. Красная армия уступала в профессионализме, особенно командного состава, на что повлияли массовые репрессии в армии накануне войны. Надо учитывать просчеты советского руководства в анализе международной ситуации накануне войны, а также в определении сроков начала войны, что привело к фактору внезапности».

Кто-то повторил: «Русские все равно победили!»

Прочь затравленный вид! Оборачиваюсь лицом к нему и спрашиваю:

«Всезнающий молодой человек, расскажите всему классу: каковы главные итоги войны?»

Встал. Короткий человек с физиономией комсомольского секретаря.

Сказал: «Пожалуйста... Непрерывный рост авторитета СССР в мире, превращение в сверхдержаву, образование мировой системы русского социализма, которая послужила толчком к развитию национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, к обрушению колониальных империй. Еще чуть-чуть – и мы обгоним Пиндосию по темпам индустриализации, покорим космос, закончим строительство коммунизма в основном. Достроить же коммунизм советскому человеку помешали западные спецслужбы, заразив его рок-музыкой, жвачкой, короткими юбками, танцами буги-вуги...»

Излишнее рвение меня подвело. Надо мной нависла огромная растопыренная клешня, которая вот-вот отхватит полголовы... С нее тянется струйка слизи.

Благодарю ответившего. Прощу сесть. Указываю на его соседа.

«Можете дополнить ответ товарища?»

Он встал. Короткий человек с плечами опричника.

Сказал: «Ну, если хотите... Такое великое потрясение, как война, всегда очищает воздух, оздоравливает планету. Вторая мировая война отдраила весь мир от западной гнусности. Когда пиндосовская авиация сбросила три ядерные бомбы...»

Оборвал мальчугана: «Позволь, сколько было бомб?»

Он сказал твердо: «Три бомбы с ядерным зарядом. Две упали на японские города Хиросима и Нагасаки. И еще одну пиндосы сбросили в Сибири. Но страна быстро залечила зияющую рану. Создала свою ядерную ракету и запустила ее прямо в сердце Пиндосии».

Ястреб курочку когтит.

Господи... Люди новой эпохи. Что еще от них ждать?

Воцарилось тяжелое молчание, практически молчание бога. Хватит ли мне мужества взглянуть им в глаза?

Это ведь придется менять всю матрицу. Сверху донизу. Но остался ли для этого в стране интеллектуальный резерв? Остался ли? Или повсюду лишь послушная обслуга режима... Есть ли те, кто слышит мои сигналы бедствия? Абсолютно непонятен механизм самоспасения. С чего начинать? Чем лечить невроз, в который погрузилась страна? Похоже, такое антивирусными препаратами не лечится, придется прибегнуть к чудесам геной инже-

нерии. Или пора уже рыть подземные ходы? Уходить под глину, под помойные ямы, зарываться все глубже и глубже...

Не к месту вспомнилась черная советская шутка: только бомба, атомная, сделает из русских японцев. Явно не к месту.

Восстанавливаю нормальный голос. Спрашиваю:

«Кто мне ответит, какие страны были союзниками СССР во время Второй мировой войны?»

Ответ является сразу, будто по мановению волшебной палочки. Плечи опричника отвечают без запинки: «Япония».

Приплыли.

Хочется спросить этого, с плечами опричника – ты ведь просто пошутил, правда, ты это не всерьез? Но момент, кажется, упущен. Когда же наконец прозвенит спасительный звонок?..

Был такой фильм, очень старый, послевоенный. В нем маленькая девочка выбегает после дождя во двор. Он освещен солнцем. На девочке платье в цветах. Она видит на асфальте длинного дождевого червя. Трогает его пальцем. Гладит его. Затем прыгает на червя тяжелой ногой – и всмятку. И, улыбающаяся, бежит навстречу подругам, те играют с мячом, всем весело. И мир лучится добротой и невинным простодушием. А червяк-дождевик – всмятку!

Спрашиваю: «Скажите, зачем мы так скрупулезно изучаем Вторую мировую войну?»

Плечи опричника мгновенно находят ответ: «Мы помним, что совсем недавно, каких-то шесть-семь лет назад, история Второй мировой войны была фальсифицирована и ошельмована. На наших глазах набрала обороты оголтелая ложь, цель которой – свести на нет подвиг наших бесстрашных воинов. Попытки пересмотра итогов Второй мировой войны проводились на самом высоком уровне. Дегероизация советских воинов сопровождалась восхвалением предателей Родины, попытками пересмотреть решения Нюрнбергского процесса. Историю Руси писал кто угодно: жида, укры, татары – но только не русские. Цель современной информационной войны против России – разрушить менталитет нашего народа, уничтожить его традиционные ценности. Переписывание отечественной истории недопустимо и безнравственно. За ней стоит желание скрыть собственное лицемерие и предательство, оправдать прямое или косвенное молчаливое пособничество пиндосовским нацистам. Фальсификация истории Великой Отечественной войны наносит народу непоправимый вред, и в этом главная опасность для будущего России. Как не попасть под влияние этих разрушительных мифов о русских героях? Ответ очевиден: необходимо читать, думать, анализировать, сравнивать различные точки зрения. И не принимать на веру сенсационные разоблачения от либерального лагеря. Нужно понимать, что их задача – очернить и оболгать историю нашей страны».

Я не верю своим ушам. Что же это? Нисхождение в ад? У юнца с плечами опричника замашки тирана. Ему ничего не стоит свалить меня с ног, связать, заключить в темницу.

Спасительный звонок. Ох, как красиво он заливается... Ученики хлопают партами. Складывают тетради и планшеты в ранцы. Инспекторы с непроницаемыми лицами просят меня зайти к директору.

Отхожу к окну, стусевываюсь. Под мышками лужа. Осталась ли у меня хоть капля уважения к себе? Достают платок, стираю пот со лба и мел с ладони.

В класс заглядывает мужчина-инспектор. Сухим, обрубавшим тоном: «Мы вас ждем! Что вы жметесь, как испуганная пичуга?» Я следую за ним. По коридору. По лестницам. Как же их много! Раньше их было меньше. Ведь я помню эту школу. Лестниц точно было меньше. Неужели он водит меня по кругу?

Вновь перед глазами всплывает картина моего провала. Как же я мог забыть, что было три ядерные бомбы? Да, одна сброшена на Сибирь. Но ведь мы выстояли. Залечили рану. Запустили ответку в пиндосов. Наслаждались победой. А фальсификаторов истории – за решетку! К ответу их!

Директор протягивает мне твердую руку. Инспекторы – мужчина с бугристым черепом и женщина с собачьими зубами – глядят покровительственно. Приговор смягчен, пожизненное заключение отменяется. Над бедным узником парит голубка свободы. Он может идти куда вздумается, ошибаться, блуждать. Он сегодня будет спать дома.

Почти недосыгаемый.

Почти.

10

Разговор тот начался с числа 12.

Саша Коршунов настаивал, что именно оно управляет новейшей историей России. Из числа 12 сквозят революция, война и надежда на перемены.

– Возьмите 1905-й, год первой русской революции. Россия воюет с Японией, а у себя дома – подавленный кровью мятеж. А прибавьте, мои хорошие, двенадцать – и получите год Великого Октября.

«Мои хорошие» – это был фирменный Сашин оборотец.

Лесь хмыкнул и разлил вискарь по бокалам. Пока все разбирали питье, Коршун продолжил.

– Перенесемся в 41-й год. Мы воюем с Германией. А прибавьте двенадцать лет и – опля! – Сталину пердец. Интеллигенция зажила надеждой, – Саша дотянулся до бокала и опрокинул в себя вещество. – Далее, мои хорошие... Я иду в первый класс. Что само уже по себе событие в истории советского государства. В Москве шумит-гудит Олимпиада, «до свиданья, наш ласковый Миша». Мы воюем в Афганистане, «пенсионеры в трамваях говорят о звездной войне». А прибавьте двенадцать...

Лесь подал голос:

– У тебя ошибка в арифметике. Новая Россия начнется не через двенадцать лет, а через одиннадцать.

Коршун усмехнулся.

– Но если отсчитывать от самого начала афганского вторжения, то как раз двенадцать. И теперь самое интересное. Если прибавить двенадцать к дате крымнаша, то выходит, что Всевышнее Лицо соскочит с доски истории лишь в две тыщи двадцать шестом году. Долго, мои хорошие, ждать... Мне пятьдесят три стукнет. Боюсь высчитывать, сколько тогда исполнится Всевышнему Лицу.

Однако все стали вслух высчитывать. Малоутешительная вышла сумма.

– Фигня все это, – подал голос Дорофеев. – Гораздо раньше придет кто-то и молча поправит все.

Цитировать БГ считалось в компании хорошим тоном.

Юра Голосов помотал головой.

– Насколько раньше? Сегодня Всевышнее Лицо сжимает в кулаке все стрелки часов в округе и удерживает их от любых попыток движения. Забаррикадировал, мешок-утожок, танковыми ежами все подступы к Кремлю, залил формалином выходы в будущее. Не знаю, как насчет двадцать шестого года...

Коршун по новой разлил. Произнес с хитрющей улыбкой:

– Если не нравится вам, мои хорошие, число двенадцать, могу для продолжения вангования предложить число семнадцать. 1985-й – начало перестройки. Прибавляем семнадцать, выходит год 2002-й, означающий заселение Кремля новой мафией и сворачивание

всех реформ. Прибавляем еще семнадцать – и выходит, что через два с половиной года режим рухнет. Всего через два с половиной, мои хорошие.

Все замотали головами, сомневаясь.

– Для полноты картины предложу еще одну версию, – присовокупил Виктор. – Как-то Ахматова заметила, что самые большие потрясения в России происходят на юбилеи Лермонтова. В столетний юбилей от рождения Михаила Юрьича началась Первая мировая, через сто лет после его смерти началась Великая Отечественная. Спустя сто пятьдесят лет от рождения поэта – подвинули Хруща, через сто пятьдесят лет после смерти – отстранили Горби. Ну, и на двухсотлетний юбилей Лермонтова началась война в Донбассе...

– Напекаешь, что Всевышнее Лицо доживет до следующего юбилея Лермонтова? Аж до сорок первого года? И это, варёна-матрёна, на голом пропагандистском мельдони? Умоляю тебя...

– А что? Как говорили в последнем «Терминаторе»: «старый, но полезный». Доживет не доживет – дело десятое. Главное – обратили ли вы внимание, что все лермонтовские юбилеи приходятся на войны и смуты. Поэтому я не исключаю, что Всевышнее Лицо уйдет даже раньше, а в сорок первом году настанет настоящий ад – будут все перекидываться туда-сюда ядерными молотами. И историки будут вспоминать Всевышнее Лицо как царя-миротворца.

Виктор нехотя брякнул:

– Но царь-то незаконный.

У него поинтересовались, имеет ли он в виду нечестные выборы с подтасовками и каруселями или что-то еще? И когда тот кивнул, мол, да, нечестные, с подтасовками, слово опять взял Коршун.

– Мои хорошие, населенные вполне себе осознает, что царь незаконный, но если он ведет себя как законный, то населенные всегда не против, чтобы он правил. Пусть даже он изменяет под себя законы, пусть ухудшает жизнь населенные и улучшает свою собственную, пусть даже ворует, пусть все главные посты в руках десяти его приятелей. Он – вождь племени, так случилось – и значит, законный.

– Причем где-то в спальне, наедине с женой, отдельная единица населенные может ругать режим, припоминать, что Всевышнее Лицо избран с нарушениями, но на работе, в курилке, в ресторане с друзьями он будет подстраиваться под мнение большинства. И если окажется перед выбором, то сделает так, как делает большинство. Даже, возможно, вступив в конфликт со своим имхо.

– Другими словами, законность царя обосновывается простой формулой: все его признают, и я тоже.

– Да. Немаловажно, что он реально сильнее всех. Значит – и законнее прочих.

– Но вот Хан Ассасин Бейбарс, может, и посильнее будет, – вставил Лесь.

Коршун раздал всем наполненные бокалы. На ходу он вставил:

– Посильнее. Но сдать Всевышнее Лицо на цветмет и ему слабо. У него, может, рука потверже, но кишка тонка. Россию ему под себя не подмять.

Виктор, взяв бокал, хохотнул:

– А круто бы было... Перестроил бы храмы в мечети, облачил бы женщин в хиджабы. Приласкал бы по-муслимски.

– Обхохочешься... Телевизор бы переформатировал под себя – «Первый Ханский канал» и конкурирующее с ним «Великое Ханство – 24». А на Запад будет вещать Hanstvo Today.

– А православие – на помойку?

– Необязательно, мои хорошие. Скорее всего, будет как в СССР: церкви стоят, но не в шаговой доступности. Две-три на крупный город. И в них будут декларировать, что право-

славие стоит на низшей по сравнению с исламом ступени. Примерно как развивашка перед настоящей школой.

Юра Голосов ввернул:

– По крайней мере, кандидатура Хана Ассасина хорошо вписывается в железную матрицу: лысый вождь – сильно волосатый вождь.

– А русские националисты?.. – ввернул Лесь. – Как его... «Бородинский клуб».

– Так это ж скоморохи... – откликнулся Юра. Он обошел всех с бутылкой, долил всем.

– Ну, на фиг, скоморохи! Они вполне себе мощь. Причем никто точно не знает, сколько у них бойцов. У них, возможно, только в Москве тыщ двадцать – двадцать пять. Носители племенного сознания: «Русские – или умрем!»

– Собственно, сколько нужно вежливых человечков, чтоб устроить восстание националистов в крупных городах? – подхватил Виктор. – По сто – сто пятьдесят человек на город? Представьте, что бородинские орлы десантируются в Нижнем, Ёбурге, в Питере, Краснодаре, Новосибе...

– И в столицах республик тоже.

– Ну да. Скажем, в Казани, в Нальчике. Шесть-семь городов запалить – и центробежная сила разнесет русский бунт по окраинам, улицы зальет кровь. И взойдут в Кремль местные фюреры – все как один, разумеется, с толкинистским прошлым.

– Нет, уж лучше тогда пусть Всевышнее Лицо правит до сорок первого, – нестройным хором выпалили друзья.

– Вообще странная штука... Мы все тут русские. Практически без примесей. А русских националистов на дух не переносим. Видимо, по закону падающего бутерброда они и усядутся на трон. Да хоть в том же сорок первом... – сказал Виктор.

Выпили молча. После паузы Лесь первым сказал:

– И заметьте, никто пока не видит счастливых развязок. Чтобы темное облако над нами разорвалось в клочья, проклюнулась синева...

Юра влез:

– Но ведь у нас в стране, кошка-ёжка, какой период ни возьми – всегда эпоха реакции, и это наша естественная атмосфера, наш воздух. У меня, ёжка-терёшка, к вам вопрос. Вот монтируя наши видео про Писателя, приближаем ли мы будущую оттепель? Или это мы только свою совесть успокаиваем?

Замолкли. Чувствовалось, что все хотят высказаться, но обдумывают, как бы поточнее подобрать слова. Коршун заговорил, делая между предложениями долгие паузы:

– Мои хорошие... Сегодня весь протест – это тары-бары-растабары человека с самим собой. Болтовня в дружеском кругу, как у нас сейчас. Особые мнения на «Эхе Москвы», разоблачения властей в коррупции, публицистика в фейсбуке – все это не несет никакой опасности режиму. Режим все это подслушивает и подсматривает, подсмеиваясь.

– Но даже из этой, как ты говоришь, болтовни в дружеском кругу они при желании смогут склеить дело.

– Могут. Точечно, выборочно, для острастки. Не надрываясь особо.

Виктор перехватил инициативу:

– Саш, но ведь действительно публика не готова рисковать, не готова нарушать комфорт и привычное течение жизни. «Борись!» – призывают плакаты либералов. И мы их перепощиваем. Но отсиживаемся на кухнях. В лучшем случае делаем какой-то провокационный арт. Но он, конечно, не наносит вреда режиму. Вот посадили парня за одиночные пикеты. Казалось бы, для оппозиции повод выйти на площадь безо всяких согласований, перекрыть собой проспект. Но в голове раздается голос благоразумия: «боязно», «побьют», «посадят», «жестокий ОМОН», «нофлеры обмажут краской».

– Голос благоразумия... – согласился Коршун, – есть такая штука. А что ты предлагаешь?

– Ничего.

– Мои хорошие, мы меньшинство. Надеюсь, с этим никто спорить не будет? А демократия есть власть большинства. Выходов из ситуации три, и все плохие. Первое – перетянуть народ на свою сторону, как это было в перестройку. Второе – ждать помощи извне. Откуда извне, сам не знаю.

Он замолчал.

– А третье? – ему напомнили.

– А... Отказываться от демократических принципов с всеобщим избирательным правом.

– Как это?

– Ну, чтобы элита сама себе царя избирала. В принципе у нас как раз этот вариант и работает, правда, в скрытой форме. Но вот беда – элита не наша.

Виктор вновь встрял.

– Классики уверяют, что для духовного подвига приходится жертвовать самым любимым, самым сокровенным. И я не про деньги. А, скажем, про сочинительский дар.

– Мысль, на первый взгляд, спорная, но, по мне так, верная, – заметил Коршун. – Невозможно всерьез сражаться, мои хорошие, если цепляешься за бизнес, за семью, за свои песни, что ли. Они твой тормоз, твой балласт. По идее, на войне солдаты не должны мечтать о теплом доме, о любви, о близкой встрече со своими любимыми, иначе они будут слишком жалеть свою жизнь и не отдадут ее за... за это...

Всем было ясно – за что. В бутылке еще что-то плескалось, разлили до дна.

Лесь сказал:

– А я почему-то уверен, что страна расколется на землячества. Примерно пять их будет...

– Почему только пять? Первое землячество – это целиком город Москва?

– Когда все расколется, кому эта Москва будет нужна... Ценны будут лишь регионы с богатыми недрами: нефтью, газом, ураном, лесом. Вот за Сайберию все пойдут воевать, и с удовольствием.

– Кто, например? – спросил Юра.

– Все постсоветские люди. Казанские татары, объединившиеся с крымскими. Кавказ отделится раньше, но за нефтянку тоже пойдет воевать. Бородинский клуб пошлет свои отборные отряды. Может, и Китай свою Дивизию Безупречных пришлет.

– А за арктический шельф тоже будут драться, ложка-матрёшка?

– С белыми медведями, ёжка-бабёшка, – отзеркалил Коршун.

– А те, что прилепляют на свои машины наклейки «Обама чмо» или «На Берлин!», пойдут воевать или как? Из них ведь уже можно составить город, – не унимался Юра.

– Можно мы о них говорить не будем, хорошо? – устало сказал Коршун. – Переплавить бы их на пуговицы, и то было б больше пользы.

В комнату вплыла Света, Юрина жена.

– Мобильники-то свои, надеюсь, вы выключили? А, заговорщики? – спросила насмешливо.

Все стали выуживать свои смартфоны из джинсов. Переламывать и вынимать живое сердце.

– Ну, вы даёте, – подытожила Света, – Разговоры ваши, поди, тянут на три года без права траха. И про Всевышнее Лицо, наверное, распинались.

Друзья сложили на журнальном столике возле стаканов мертвые глянцевые шмудаки.

– У вашего Всевышнего Лица одна проблема, – она продолжила. – Девушки у него нет. Личной жизни нет. А если и есть – то слишком засекреченная. А когда своей личной жизнью не с кем поделиться, в голове нарастает шум. И бум!!

Изображая руками «бум!», Света поплыла на кухню заниматься ужином.

Юра улыбнулся во весь рот. Дескать, вот какая у меня жена. Сказал:

– Кстати, Лесь, ты заикнулся про пять землячеств. Но, кроме московского, ни одного не назвал.

Все обернулись на Лесья.

– Если честно, брякнул от балды, – он сказал мечтательно. – Давайте подумаем... Северное землячество – Мурманск там, Архангельск, Карелия, Псков. Второе – Московское. К нему тощее Поволжье, возможно, приклеится. Третье – Урало-Сибирское, это самый жирный, самый богатый кусок. Дальний Восток отдельно, но часть его, скорее всего, отгрызет Китай. И Южное землячество, включающее в себя весь чернозем вплоть до Сочей. А мусульманский Кавказ, как вы и без меня догадались, отделится – но его независимость никто в Европе не признает.

– Москва, ты говоришь, обеднеет?

– Без вариантов. Углеводородов нет, промышленность умеет лишь гвозди клепать, цыплята в магазинах тощие, как кулачок манекенщицы. Границы закроют, и на заработки москвичи поедут в Сибирь.

Виктор, пожав плечами, сказал:

– Режимы в России всегда рушились сами – и всегда неожиданно, спонтанно. А историки уже задним числом подводили к переворотам какую-то хлипкую базу. Типа верхи не могут, низы не хотят. Да только верхи всегда могут, а низам все по хрен. Та пацанва на раёне, что сейчас приближена к власти, всяко не выведет страну из кризиса, они умеют лишь приваривать решетку поверх решетки. А люди, которые смогли бы вывести нас к свету, увы, эмигрировали.

Коршун подытожил:

– Россия, мои хорошие, – это узкая щелка. Без смазки, всегда больно, всегда запах кислой капусты, всегда нет средств на контрацепцию, но суют сразу несколько, толкаясь и матерясь. Рожает обычно раньше срока. В общем, не уверен – не суй! А сунул – скорый выигрыш в «Спортлото» не жди.

Как-то так.

11

Из дневника

Дождь и ураган всю ночь. В полусне решал, что делать со своим мерседесом. На рассвете рассудил, что пока не стоит на нем ездить, лучше нанять водителя на каких-нибудь жигулях – и немедленно уснул. Утро вышло ясным и прохладным. Принял с докладом представителя восточносибирской ячейки. Он был одет в футболку с американчиковской надписью на груди, чем несколько испортил настроение. Передал мне списки влиятельных семей региона, источники их доходов и описание приобретенной недвижимости. Отчитался по программе «Воскреси ветерана» – в его ячейке эксперимент по воскрешению мертвых борцов за народное дело увенчался относительным успехом. Было эксгумировано тело ветерана афганской войны. В течение полугода вахтенным методом натурали покойника медом, капустным рассолом и водкой (попеременно). Солдат уже открыл глаза, но пока не говорит и не ходит. Испил с нофлером чая с пирожными. Он хотел показать фотографию оживленного солдата, но я отказался.

После обеда вызвал такси (попросил, чтобы пригнали русскую машину) и поехал играть в городки с Мотричем и Звонаревым. Мотрич пришел с американчиковской битой, стал хвататься ею. Я плюнул и уехал домой (на первом попавшемся частнике, даже не посмотрел на марку машины, настолько огорчился). Дома смотрел телевизор. Показывали встречу Всевышнего Лица с российскими олигархами. Нацлидер с болью говорил о том, сколько сил надо вложить в Крым, чтобы добиться его процветания. И тут один из олигархов, такой низкорослый, проблеял что-то вроде: «А как же деньги?» На это Всевышнее Лицо сблизил брови да спросил тихо: «Вы что больше любите, Родину или деньги?» Срезал барана! Так и надо с этой пятой колонной! После такого вопроса олигархи, конечно, полюбили Родину гораздо сильнее, чем свои деньги.

Надо научиться так же сблизать брови. Беру на заметку.

Послушал американчиковское «Эхо Москвы» (чтобы быть в курсе). Рассказывали об очередном агенте пятой колонны, задержанном на Красной площади. Гаденыш отказывался покидать площадь до тех пор, пока Всевышнее Лицо, кабинет министров и Госдума не уйдут в отставку. Откуда только они плодятся...

Целый день находился в угнетенном настроении духа. Неужели все из-за американчиковской биты Мотрича, черт его дерит? Принял с докладом представителя центральной ячейки. Тот отчитался по новой акции «У вас вся спина белая». Его ячейка выявила всех проживающих в регионе американчиков и резидентов Евросоюза. Выслеживали, заходили с тыла и из баллончика закрашивали спину врага белой краской. За три недели закрашено 18 спин (и одна русская жена американчика под руку попала). Трое нофлеров во время акции были побиты, двоих взяла полиция (они отпущены после составления акта). В качестве поощрения испил с представителем кофе с коньяком (московским). Надо распространить опыт Центрального района на другие регионы (не забыть!). Нофлер попросил разрешения поцеловать портрет Всевышнего Лица – я позволил. Заметил, что клеймо лояльности у него отсутствует. Обязал его сделать сегодня же!

После обеда вызвал такси (заклинал, чтобы пригнали русскую машину) и поехал играть в городки с Мотричем и Звонаревым. Мотрич извинялся за вчерашнее и в качестве искупления вины преподнес мне в подарок городошную перчатку из лайковой кожи (российского производства). Тот конфликт замяли и играли до темноты: три сета по шесть конов. Мотрич заметно мне поддавался, но я делал вид, что не замечаю. Звонарь вообще играл рассеянно. Я выиграл с большим отрывом.

Вечером искал в телевизоре Всевышнее Лицо, но, сколько ни листал каналы, не нашел. Пятая колонна давно и прочно оккупировала телевидение (отрабатывает госдеповские гранты), но такой анархии никогда прежде себе не позволяла. Принял дозу снотворного.

Утро стояло ясное, но с сильным ветром. Березы щекотали окно своими шелковыми ветвями. Вставать не хотелось. Зримо представил, что на крышу Белого дома каждое утро поднимается агент госдепа и направляет в нашу сторону из всех своих ментальных стволов залп тотальной ненависти. И ненависть та столь концентрирована, что практически материальна. Она даже способна пригвоздить русского человека к постели, усыпить его бдительность. Но лежать нельзя. Этак мы можем дать врагу надежду, что ему по силам нас победить. И тут же с легкостью встал. Да, если уж решила Россия подняться с колен, так она и плечи расправит, и мускулы подкачает. После завтрака принял с докладом представителя западной ячейки. Тот бойко отчитался по проделанной его ячейкой работе: пикетировали рок-концерты пятой колонны, били стекла в магазинах, торгующих айфонами, вдобавок окатили мочой дверь табачного ларька с мальборо и данхиллом. Проверил его руки, оказалось – клейменный.

После обеда вызвал водителя жигулей и поехал играть в городки с Мотричем и Звонаревым. У всех троих было боевое настроение, играли не на жизнь, а на смерть. Мне удалось три раза подряд разбить «коленчатый вал» одной битой. Шли ноздря в ноздю. Неожиданно победил Звонарь. Стал я исследовать его биты, оказалось, *made in USA*. Причем надпись старательно подтирали – но тиснение осталось. Что тут со мной случилось! Цепился я в шею Звонаря и давил, давил, давил! Мотричу пришлось врезать мне хорошенько по ребрам, иначе бы задушил сучью пятую колонну. Звонарь выглядел смущенным. Не предполагал, что я так разнервничаюсь. Извинялся. Мотрич достал коньяк (московский), и мы помирились. Хотя осадок остался.

Вернулся домой в раздрае. Сел перед телевизором. Выступал представитель епархии. Говорил, что у Всевышнего Лица есть все шансы стать Богом по небесной благодати, приобщиться к нетварной божественной жизни. Ценность убожества в том, что за особые заслуги перед русским человечеством ты словно наполняешься сверху донизу энергией Бога и уподобляешься ему по добродетели. Я давно на всех перекрестках твержу, что деяния Всевышнего Лица суть Божье произволение, суть действие Его любви, явленное в человеке. Да откроются пред нацидидером все врата. Раздрай моей души пропал, как и не было.

А Всевышнее Лицо показали мельком. И со спины. Я давно уяснил, что центральные каналы управляются американчиковским послом. В Кремле никто, кроме Всевышнего Лица, ссориться с американчиками еще не готов. Только тихо брюзжат, прикидываясь верными патриотами. Не понимают, что настал судный час – либо обретет Россия суверенитет от колониального заокеанского управления, либо погибнет. Всевышнее Лицо должен очистить властные коридоры от старого олигархического хлама. Пусть останутся только молодые проверенные кадры, с ними и начнем строить новую русскую жизнь. Национально-освободительная целесообразность превыше всех законов, даже Конституции. Всевышнему Лицу надо вернуть полномочия обеих ветвей власти. Столько еще работы предстоит, голова кругом. Принял снотворное.

Чудный ясный день. Солнце отлично припекало. Отвечал на письма. Четверть корреспондентов нормальные, остальные – дебилы. Запомнилось письмо от молодого ученого, представителя НОФ. Он посвятил себя исследованию возможности энергетического «доедания» земной коры и получения через этот процесс электричества. В его опыте лампочка от фонарика горит довольно ярко. Ученый намерен продолжать эксперименты. Если результаты будут улучшены, утрем нос американчикам с их ветряками и солнечными батареями. В другом письме юный нофлер сообщил, что приторочил баннеры с надписью «Иуда» к нескольким памятникам пятой колонны – Солженицыну, Сахарову, Кулибину. В ответном письме написал, что таблички с надписями – это здорово, но еще лучше было бы эти памятники (кроме Кулибина) разрушить к ядрёне-матрёне. На худой конец заляпать краской. Иногда нужно дать им совет.

После обеда поехал на жигулях играть в городки с Мотричем и Звонаревым. Игра шла ни шатко ни валко. Впервые за год-два я разбил «часовых» одной битой. Но Мотричу удалось выбить три раза подряд «письмо» двумя битами. После игры sprыснули его победу. Появился коньяк (московский) и сыр. Я проглотил два кусочка сыра и лишь тогда догадался проверить, где он сварен. Выяснилось – Южная Италия. Отошел в сторону и, засунув два пальца в рот, выbleвал съеденное. Ушел не попрощавшись.

Вечером смотрел на YouTube короткие издевательские видео про Писателя (мне прислали ссылку). Какие-то либералы-руссофобы, очернители Отчизны – надо называть вещи своими именами – измываются над настоящим патриотом. Задумался, откуда вообще берутся людишки с чуждой системой взглядов, с вечной ненавистью к Родине? Наверняка они выходцы из обывательской среды, развивались без попечительского государствен-

ного плеча. Пустые мозги – и когда туда попала искаженная информация, она зацепилась за края, потянулись ложные выводы. Семья не способствовала своевременному отсеиванию заблуждений, дурная наследственность. И пусть эти мутанты искренне считают себя умными, образованными и начитанными, им не выпрыгнуть из беличьего колеса лжи и дальнейшего вырождения. И скорее всего, они на содержании врагов страны. Бедный Писатель – представляю, сколько боли приносят ему и его близким эти чертовы видео...

В одном ролике мерзкий закадровый голос зачитывал такой отвратный текст: «Лежит Писатель на русской печке, пятки греет – и вдруг шум-гам за окном! А это соседи выносят из дверей чемоданы и загружают их в такси, решили они на пару недель махнуть на теплые заморские юга. Открыл окно Писатель и принялся материть соседей. Дескать, на заморских югах русских летчиков сбивают, а вы, бестолочи, вместо того чтобы траур носить, едете туда развлекаться. Нет бы во имя имперских амбиций отказаться от заморских радостей. Соседи только покрутили у виска – и были таковы. А Писатель вывел из гаража свой проверенный на донецких полях сражений джип – да и махнул в аэропорт Домодедово. Встав на взлетной полосе, начал он длинной палкой сбивать все боинги, что на теплые заморские юга лететь готовились. За полдня дюжину сбил. Палку свою об один фюзеляж расколол, так тут же нашел другую и вновь за свое взялся. Но что удивительно: он самолеты сбивает, а туристов, что желают лететь на теплые заморские юга, меньше не становится. Поток только прибывает. Но и Писатель не сдаётся, сбивает самолеты один за другим. А народ еще пуще на теплые заморские юга стремится, хоть кол народу на голове чеши. И непонятно, кто тут кого перетанцует.

Знаете, я, пожалуй, спать пойду, а вы мне утром сообщите, стоит по-прежнему на взлетной полосе Писатель с длинной палкой в мускулистой руке или усталость свалила русского богатыря и он тоже спать завалился... Но как бы там ни было, до утра меня не будите...»

Разволновался. Принял таблетку.

А у Виктора с друзьями работа кипела. За месяц они умудрились выложить на ютуб два новых видеосюжета. Один был снят по такой рассказке: «Лежит Писатель на русской печке и смотрит телевизор. Показывают запуск космолета. Но как бы ни кричали инженеры «Поехали!», как бы ни поджигали фитиль, космолет лететь в небо отказывается, стоит на земле, как привязанный. На подобный факт саботажа не смог Писатель спокойно смотреть. Надел кирзачи, льняную есенинскую рубаху да и отправился на космодром. Глядь, а инженеры там все как на подбор невзрачные и носатые, как есть либералы. Писатель отогнал их от ракеты сильной рукой, а кое-кому из носатых еще и леща отписал. Потом он схватил космолет в охапку да и запустил его на орбиту, словно это был камешек какой-нибудь или даже пальтовая пуговица. А потом Писатель обратил внимание, в каких убогих скафандрах летают космонавты. И тут же стал разрабатывать новые скафандры – из кирзы и льна. А что? Тепло, и тело дышит».

В основе второго видео лежала следующая миниатюра: «Лежит Писатель на русской печке и смотрит телевизор. Мир идет на Россию войной. Враг плетет военные заговоры, нацеливает шустрые ракеты на прекрасные города. Очень сильно это Писателю не понравилось. И тогда решил он создать свою нацгвардию. Нацгвардию русскую поэтическую. И собрал в нее Александра Сергеевича, Михаила Юрьевича, двух Александровичей – Сергея и Иосифа. И собрал он в спецназ Александра Башлачева, Егора Летова, Константина Кинчева, Дмитрия Ревякина. Многих рокеров да мертвых поэтов собрал. Леннона и Моррисона хотел позвать, потому что с детства их любил, да друзья отговорили, мол, они америкосы и могут всю малину испортить. Вышла поэтическая нацгвардия к границе земель русских

и встала мощным заградотрядом. И только тогда Писатель успокоился и вновь забрался на свою печку – мир лежал на широких надежных ладонях русских героев».

12

Дорофеева от ягод уже мутило. По ошибке цапнул не ту ягодку – и стошнило красной плазмой.

Перед ним расстилалось озеро, недостающий белок можно было достать из него. Любопытная рыба раз в пять минут, а то и чаще, выпрыгивала из воды, делая свечку. Но как назло – ни крючка, ни лесы, ни наживки.

Вспомнил, как в детском лагере на занятиях по скаутингу вожатый обучал ловить рыбу голыми руками. Но для такой операции был необходим участок берега с поваленным деревом. Виктор обошел периметр, но нигде лес не подходил настолько близко к воде. Зато он нашел нишу, образованную упавшей в озеро земляной глыбой, поросшей травой. Дорофеев закатал штаны и осторожно вошел в водный коридор. В ней танцевали на месте несколько плотвичек. Рыболов резко ударил по воде, но рыбы оказались проворнее – улизнули.

Вернулся на берег и принялся ждать, пока плотва снова заплывет в ловушку. Шанс такой был – рыбе в такой нише и прохлада, и уединение. Однако время шло, а коридор все пустовал. И только когда солнце встало на шесть часов пополудни, компания из пяти-шести белоспинных рыбеш проشمгнула в западню. Виктор, пока их ждал, напридумывал несколько сценариев успешной ловли, но суха теория, мой друг...

Первым делом он испробовал тот сценарий, по которому нужно яростно шуровать ногами, чтобы рыба заметалась и сама влетела в руки ловца. Но рыба, увы, прошла сквозь пальцы – склизкая, увертливая. До темноты он успел использовать и второй сценарий – бил по воде толстой палкой в надежде оглушить плотву. Но только заехал себе по голени. Поорал с досады.

Усталый и огорченный неудачей, он заметил неподалеку толстую сосну с наклоненным стволом. Пристроился, накрылся теплым ельником. С голодухи сон не шел. Мысли ветвились.

Еще до суда знакомые Виктора, особенно женщины, укоряли: какого черта ты фиксишься на негативе? Во всем видишь зло, думаешь о зле, пишешь о зле, твой роман о зле – зачем? Тебя самого все это дико парит. Лучше выгляни в окно, там солнце. Спой одну из своих старых песен – там тоже солнце. Не фиксишься на плохом, не концентрируйся. А Дорофеев все ждал, что власть одумается и сменит курс. Перестанет оболванивать население, перестанет людей сводить с ума. Но та, одержимая мизантропией, и не думала отступать, пёрла будто танк. Абсолютно сильная и абсолютно неживая. И не Дорофееву с его любовью, свободой и рок-н-роллом ее победить! Не ему!

Вика... Дорофееву примерещился ее силуэт между ветвей. Что она делает сейчас в своих шведиях... Отполировала зубы электрической щеткой Oral и залезла в постель под крылышко к своей марокканке? Или смотрит какой-нибудь скандинавский сериальчик с вечной асфальтово-зеленой цветовой гаммой и обязательным душителем-маньяком? Или вяжет свитер – в этом ей не было равных – из толстой пряжи, с бегущими оленями и звездным небом...

Время и пространство исчезли. Настала мгла. Дорофеев различал лишь шесть крохотных огоньков, что, танцуя, рисовали на поверхности озера узоры, от которых веяло детством и уютom, с каждым кругом огоньки приближались к береговой линии – и наконец, выбравшись на берег, медленно подкрадывались к Виктору. Когда расстояние между ним и загадочными огоньками сократилось до пяти шагов, он догадался, что это всего лишь рыбы с блестящими глазами – три рыбы и три пары глаз. Они не ползли, а перекатывались на коротких конечностях, как многоножки.

Добравшись до ног Виктора, рыбы не остановились. Одна из них вскарабкалась по левой ноге и запрыгнула на левую ладонь. Вторая оказалась в его правой руке. А третья рыбка проникла в тот карман штанов, где лежал телефон Шершня. Ее хвост заканчивался шнуром с разъемом USB, и, состыковавшись с мобильником, она принялась заряжать его требуемым вольтажом.

Дорофеев боялся, что сырая рыба полезет из него назад, но вкус был ничего себе. Рыба оказалась слабосоленой и чуточку подкопченной, как говорят, «с дымком», именно такую Виктор и любил. К тому же без чешуи. Он откусывал от рыб попеременно, а они все не кончались. Не доев их, он заснул.

Открыв глаза, Дорофеев вспомнил сон. Протер глаза, отшелушил с век соль, потянулся, сбросив с груди теплые еловые ветки. Прогнал язык по шершавым деснам. Голода он не чувствовал. Левая ладонь слегка саднила. Зубами и грязными ногтями вытащил занозу. Ею оказалась рыбья кость, похоже, от ребрышка.

Достал мобильник. Высветилось время: 06:47. Напротив надписи «уровень зарядки» горели пять зеленых столбиков. Предстояло сделать, о чем он мечтал с первого дня заключения – написать длинное письмо Виктории. Сегодня ее звали на шведский манер – Викке.

Дорофеев разделся, вошел в холодную воду по колено, набросал на себя немного воды, прополоскал рот. Четыре дня подряд ему отчаянно везло с погодой. Но темно-сиреневые тучи постепенно оккупировали небо. Дождь мог пойти в любую минуту. Виктор оделся, спрятался под дерево и нашел в телефоне опцию «заметки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.